

РАССКАЗЫ

СНИТСЯ МНЕ ДЕРЕВНЯ...

Красивая была деревенька. И название красивое - Серебрянка. Поэтическая струнка, видно, была у предков: речка тоже была Серебрянка. По ее названию нарекли и деревню. Да и как можно было по-другому назвать эту речушку с чистой водой? Дно ее было не илистое и не рыхлое, а твердое от слежавшейся гальки и промытого веками песка. Неширокая, быстротечная, сверкающая на солнце - ну чисто Серебрянка...

Когда Иван Никитич вспоминал свое детство, то в первую очередь в памяти возникала родная речка, светлая и прозрачная, из которой можно было брать воду даже для питья. В шестилетнем возрасте он уже пытался поймать спящих пескарей, тогда же научился плавать.

Теперь, когда за плечами уже целая жизнь, когда у него в статусе пенсионера появилась масса свободного времени, Иван Никитич, полковник в отставке, все чаще мыслями улетал из своей городской квартиры в родную деревеньку, обычную для глуховатых российских мест, никогда не знавшую богатства, но крепкую обычаями, трудолюбием. Привычкой к порядку с людьми, уверенными, что нет на земле места лучше, чем это - возле речки Серебрянки.

Ночами спалось плохо. Семейные сидения у телевизора не приносили успокоения, доброго настроения. Все, что лезло с экрана, раздражало, вызывало мрачные мысли, обостряло какое-то непонятное, но хорошо осязаемое чувство вины. Да, именно вины. Как будто он виноват в том разоре, который накрыл Россию, особенно дорогие ему сельские места.

С Серебрянкой у него связей, считай что, не было. В последний раз он приезжал туда на похороны матери. И уже тогда он остро ощутил свое сиротство не только от утраты самого родного человека, но и от того, во что превратилась его деревушка. Она, как говорили в старину, «дышала на ладан». Когда-то тут насчитывалось около полусотни дворов. Сейчас на месте многих росла крапива, некоторые хаты стояли, покосившись, с забитыми досками окнами. Его родительская хата еще смотрела на мир окошками с цветущей геранью, которую мама ласково называла калачиками. Теперь угасла жизнь и под этой крышей...

Да, давно... Давно не навещался Иван Никитич в родные места. Приезжать было не к кому. Оставались в Серебрянке только крестный, старый уже и больной Трофим Иванович, и соседская семья, которая по просьбе Ивана Никитича ухаживала за могилами родных на деревенском погосте.

Бессонными ночами Иван Никитич вспоминал, как по деревенской улице медленно шло сытое стадо, и каждая корова спокойно сворачивала к своей хозяйке, которая поспешно открывала перед ней калитку в родной двор. А как пахло в хате свежее испеченным хлебом, когда мама с деревянной лопатки ловко перекладывала круглые буханки, выпеченные в русской печи

на капустном листе. Ни когда и нигде ему больше не приходилось есть такой хлеб, как этот ржаной хлебушко из детства. А как подростком бегал на лыжах по заячьим следам! Летний сенокос... Его ждали все жители Серебрянки от мала до велика. С косами на луг выходили не только мужики и бабы, но и старики. Если косить уже не годишься, все равно работа на лугу найдется: отбить и наточить косы, развести костер и сварить на нем к обеду кондер - пшенный суп с кусочками сала и зеленым луком. Да потом еще отмыть котел, дружно опорожненный косарями. А мальчишкам какая радость! Разносили воду, поили распотевших работников. А главное кувыркались в свежих валках трав, дурманных головы необыкновенным ароматом. Только в детстве можно испытать такое редкое чувство непосильной радости!

«Все. Решено. Поеду проведаю свою родину. Снится родная Серебрянка, зовет к себе. Пусть жена и отговаривать будет - поеду!».

И вот с рюкзаком за плечами подходит к речке своего детства. Остановился. Как все изменилось... Перешел ветхий мостик из жердей, шагнул к деревне. Она сиротливо смотрела на городского гостя.

Несколько дворов еще были обитаемы. Это было видно по дымкам, шедшим из убогих труб. Около одной избы лежало бревно, на котором сидел старик в шапке, хотя лето было в разгаре, и через плетень прямо к стариковскому малахаю свисала ветка вишни, отягощенная спелыми плодами. Старик подслеповато рассматривал подошедшего гостя.

- Крестный, здравствуйте, это я, Иван.

- Господи! Ваня! Да как же я тебя сразу не признал! Здравствуй, сынок... Каким ветром к нам?

Обнялись. Старик закашлялся, долго не мог отдышаться, а Иван Никитич с грустью смотрел на последнего из местных старожилов. Как и деревня, он не жил, а доживал...

Ко двору старого Трофима стали собираться все, кто еще жил в деревеньке. «Иван приехал!» - разнеслось быстро. К обеду сошлись, собрали под старой яблоней коллективное небогатое угощение, а Иван Никитич раздал всем свои городские гостинцы.

...Невеселое это было застолье. Бывало, на свадьбах, крестинах, проводах, по большим церковным праздникам, когда гуртом садились за стол, сколько было душевных разговоров, шуток, песен. Теперь Иван сидел среди земляков, которые были как бы придавлены общей бедой.

- Вот так и живем, Иван Никитич, - сказал Прохор. Был он когда-то лучшим механизатором, но с развалом колхоза остался не у дел. Хотел устроиться в райцентре, трудился у частного, но оказалось, что хозяин своим работникам платить не очень-то хотел. Он хитрил, мудрил, пока Прохор плюнул и вернулся в Серебрянку. Живет огородом и коровой.

Бабка Аграфена, которую все звали баба Груня, горестно добавила:

- А кто и где нам рад? Вон мои две внучки сейчас в городе ошиваются. Сладко им там? Работу еле-еле нашли, а живут на квартире. Хозяйка с них такие деньги дерет, что только на хлеб и остается. А ведь молодые, одеться-

обуться надо. Помогаю им из своей пенсии. Вот и выходит, овчинка выделки не стоит...

Напротив Ивана Никитича плотно друг к другу сидели три сухощавые старушки, все с фамилией Поповы: Марья, Анастасия и Фекла. Сидели молчаливо, как аксакалы на ящике с динамитом в фильме «Белое солнце пустыни». Они слушали всех, вытирая глаза платочками. Оказалось, что они тоже уехали из Серебрянки, но по родному гнезду тоскуют. Вот и приехали повидать...

- Как же вы, бабули, покинули родную деревню? - спросил Иван Никитич и сам смутился неуместности своего вопроса.

- А как, сынок? - подняла глаза баба Настя. - Работы тут нема. Дети поуезжали. А мы тут держались до последнего. Сначала на зиму дети нас забирали, а потом и совсем. Что же с нами мотаться туда-сюда. Вот только летом приезжаем в свои хаты на недельку. Родимым воздухом подышать...

- Да и больница там есть. Лечат... - добавила баба Фекла.

Иван Никитич наполнив рюмки привезенным с собой вином, поднялся и, как ему показалось, долго молчал. Какой-то комок в горле мешал ему говорить.

- Дорогие мои, - сказал он и опять замолчал.

- Дорогие... Грустный у нас получился праздник... Сколько деревень исчезло у нас за последние годы! Страшно представить. Напоминают о них лишь старые груши в одичавших садах, липы и тополя, что росли у домов. Мне довелось в прошлом году побывать на Смоленщине. Подъезжаем с другом к одному местечку, видим огромный камень-валун, а на нем черной краской слова написаны: «Тут родился поэт Исаковский». Знаете кто это? Тот самый, что написал «Одинокую гармонь». Какая там гармонь?! Ни собачьего лая не слышно, ни петушиного крика, ни смеха ребенка, ни огонька в окнах, ни дыма из труб. Ничего не осталось от прежней жизни, кроме брошенных изб...

- Да, брошенная наша земля, беспризорная, - поддакнул Прохор.

- Именно, беспризорная. А ведь нам ждаться манны небесной неоткуда. Шевельнемся ли, осмыслим ли последствия происходящего? Если нет, то судьба не пошлет нам ничего радостного...

Уже смеркалось. Алые полосы летнего заката отражались в чистых водах Серебрянки, а они не расходились. Говорили, плакали, далее пели. Иван Никитич очень любил песню «Снится мне деревня». Особенно трогали его слова «Но все так же ночью снится мне деревня: отпустить меня не хочет родина моя». Но старики этой песни не знали и пели свои старинные, деревенские. Пели не стройно, но с душой, вытирая набежавшие слезы...

Расходились, кланяясь московскому гостю: «Ваня! Спасибо, родной! Всех нас собрал...».

БАБЬЕ ЛЕТО

Верка Скорикова вернулась в село разведёнкой. Но по её виду никто бы не сказал, что она переживает. Словоохотливая и смешливая, она на вопросы любопытных отвечала:

- Хватит! Сходила замуж - сыта по горло. Да особо-то никто и не спрашивал. Эка невидаль — разведёнка. Их вон сколько теперь баб живут одинокими то с одним ребёнком, то с двумя. А Санька Горшкова вон с четырьмя пацанами ушла к родителям от своего запойного муженька. Хоть бы уж пил, да не издевался, а то синяки не сходили с Санькиного лица круглый год, только опухнет, начинает зеленеть фонарь под глазом, а он уже новый навесил. Сколько раз уходила она от него, но каждый раз возвращалась. Но после того, как он ножом порезал ей руку — ушла навсегда. Дети сказали: если вернёшься к нему - нас не знай, Так и живут в родительской хатёнке, в тесноте, да не в обиде.

А Верке чего ж печалиться? Она одна, хвоста нету. Пожила в городе, немного пообтесалась, стрижку модную сделала, купила кожаный плащ. Правда, по специальности в городе ей не удалось устроиться, теперь бухгалтеров везде хоть пруд пруди. Работала в столовой на раздаче. Ничего, справлялась. Но денег за четыре месяца работы ни разу не платили. А дома сплошные нервы. Колька-то - большой любитель выпить и поесть. А чем его поить, кормить, когда и он уже забыл, когда в последний раз расписывался в ведомости. Что принесёт Верка в пакете с работы, то и на столе. Придут ещё Колькины приятели, подметут на столе всё до крошки. Веерка сначала молчала, а потом начала «возбухать»:

- А пошли вы все подальше! Ещё не хватало мне кормить твоих друзей, алкашей несчастных!

Колька отвечал ей ещё более красноречиво и, в конце концов, сунул ей кулак под нос. Верка не ожидала этого и подняла такой гвалт, что прибежали соседи, в присутствии которых и состоялось окончательное выяснение отношений:

-И дня с тобой жить не буду, скотина. Завтра же первой электричкой уеду
домой.
Оставайся тут со своими аликами!

-Скатертью дорога!

Приехав домой, Верка сказала, что развелась, хотя никакого развода не было, потому что законного брака тоже не было. Они с Колькой жили, как говорят, в «гражданском браке». В первые же дни после возвращения Верка зашла в сельский магазин и, видя, как женщины, стоявшие у окна в ожидании, когда разгрузят хлеб, с любопытством разглядывают разбитную, накрашенную «горожанку», нарочито громко заговорила с продавщицей:

- А чего мне худеть? Мужики худых не любят. Мужик — не собака, он на кости не бросается, ему тело подавай...

И повернувшись вполборота к притихшим женщинам, с вызовом сказала:

- Так что, бабоньки, берегите своих мужиков! Я заранее предупреждаю, чтоб потом виноватой не была. Держите их возле себя покрепче! - захохотала Верка.

- Ох, и бесстыжая ты, - укоризненно сказала самая старшая из женщин Валентина Егоровна, заведующая местным детсадом.

- А мне совесть ни к чему. Без неё легче живётся... - И уж от двери с улыбкой добавила:

- Уж больно вы сурьёзные, бабоньки. Прямо и не пошутить с вами.

- Принесла холера эту шутницу в село,- проворчала Валентина Егоровна. - Тут от своих шутников некуда деваться.

А какого ж им рожна надо,- подхватила Евдокия Гущина. - Живут на всём готовом, ни о чём голова не болит. Мои вон тоже на днях завели со мной разговор. Не со мной, а при мне, вроде меж собой. Но ж не дурочка, я ж понимаю, что к чему. Надька, невестка, говорит моему Серёге: «Вот, мол, у Ольги свекровь умная. Никто ничего ей не говорил, а она сама видит, что мешает молодым, взяла свою подушку с одеялом да и перешла во времянку. И сама, мол, живёт припеваючи, и невестке хорошо... Ясно, на что она намекает? А я слушаю эти речи, а сама думаю: «Обрыбишься, милая. Фигу тебе с маслом!» А сама так спокойненько им говорю: «Да, Ольгина свекровь - умная баба. А я ж, глядите, детки мои, дура. Я из своей хаты никуда не пойду. Мне и тут хорошо. А кому плохо - можно и во времянку. С подушками».

Женщины громко и беззлобно засмеялись:

- Ну молодец, тётъ Дуся, сразу подвела итоги.

- Ага, нашла, чем сердце успокоить. Правильно, Евдокия!

- Ой, бабы, хлеб -то уже разгрузили, а мы всё ля-ля!

Верка же предупреждение сельским молодухам сделала вроде бы как в шутку, но сама начала производить переполох среди жён сразу же. Сначала пошёл разговор, что Митька Боков возит её на своём бензовозе каждый день. Куда она разъездила и почему ей нужно добираться туда именно с Митькой, никто не мог объяснить. Потом Максим Дюжев начал дома чудить: то на огороде стало ему работать низко - не мужицкое это дело - тяпка, то борщ разучилась жена варить, то в доме начал видеть сплошные непорядки. Словом, поняла супруга, что бесится неспроста. И ей перешла тропинку непутёвая Верка. Но когда уж Владислав Петрович, главный инженер колхоза, потерял голову — тут уж всё село загудело. Как же так: человек с высшим образованием, руководитель, примерный семьянин - и вдруг так неожиданно вильнул в сторону.

Жена его работала учительницей: она была так загружена школьными делами, что узнала о романе своего мужа в последнюю очередь, когда уже стала замечать откровенно удивлённые взгляды своих коллег. Удивительная она была женщина, Людмила Ивановна. Дивились ей сельские бабы. Как это можно прожить столько лет в селе и ни с кем не поругаться, никого не подвести, не обмануть, никому не насолить... А вот эта тихая темноглазая женщина умела это делать. Со всеми ладила, добром отвечала на доброе, а

если встречала зло, то реагировала на него болезненно, как бы не понимая его природы, но никогда не отвечала на зло тем же. В школе её любили за безотказность: как ни трудно ей было, она всегда безропотно заменяла заболевших коллег, не уваливала от различных курсов, тянула много общественных нагрузок. И дома справлялась со всем, не ныла, не жаловалась. В редкие минуты отдыха она садилась на диван рядом с мужем, уютно приклонившись к его плечу. Владислав, боясь спугнуть эту тихую минуту, осторожно касался губами волос жены и умиротворённо закрывал глаза. Жили они вполне благополучно. Работали, растили дочку, вместе уезжали в отпуск, вместе переживали жизненные неурядицы и трудности. В их доме давно поселилось тихое, спокойное счастье. Кажется, ничего не предвещало хмурых дней в их семейной жизни. И вот оно, как гром среди ясного неба.

Людмила Ивановна, хорошо зная глубокую порядочность своего мужа, его привязанность к ней и Алёнке, никак не могла взять в голову, как это могло случиться. Как могла между ней и Владом встать эта развязанная смазливая Верка? Что нашёл в ней умный и трезвый Влад? Что было в ней такого, чего не было в ней, Людмиле, столько лет считавшей, что ей в жизни очень повезло с семьёй? Людмила видела и понимала, что происходит с мужем. Он по-настоящему страдал. Лишился аппетита, плохо спал, в семье чувствовал себя неуютно: ведь надо было играть прежнее спокойное благополучие, когда он точно знал, что на этом благополучии поставлен крест. Его мучило то, что Людмила и дочь не изменились к нему. Изменился он... Изменил Предал... И самое главное, что жить двойной жизнью у него не было ни опыта, ни сил, ни желания. Но как? Как сказать об этом? Что он скажет жене? Как посмотрит в глаза дочке?

Однако произошло всё неожиданно просто. Когда Людмиле открылась истина и она поняла, что Владислав с ней рядом, просто рядом, а не вместе, она приняла решение: не удерживать мужа. Ей вспомнились слова, которые любила говорить её мать: «Невольник -не богомольник». В самом деле, как будут они жить, когда Владислава будет удерживать с ней только долг? Зачем такая жизнь? Обман, притворство, фальшь будут изо дня в день отравлять их жизнь.

Ни допроса, ни скандала, ни упреков, ни слёз, ни угроз не было. Когда Алёнка, набегавшаяся в спортивной секции, уснула, Людмила Ивановна присела на диван рядом с мужем и тихо заговорила:

- Уходи к ней, Влад. Не мучайся... Я отпускаю тебя... Так вам будет лучше. Владислав, не готовый к такому разговору, отозвался не сразу. Дрожащими пальцами он прикоснулся к её руке.

- Люда... Прости меня!

- Не нужно об этом. Прощения попросишь у дочери... Когда она вырастет.

- А ты?

- Со мной можешь не считаться. Я сильнее, чем ты думаешь.

- Люда, поверь мне, я сам не знаю, что со мной. Без неё мне нет жизни!

Она - ведьма... Она меня околдовала... Я пойду за ней на край света...

Иди,- спокойная интонация ей не удалась, хотя она очень старалась. Голос её дрогнул, и чтобы не разрыдаться, она замолчала.

Он ушёл. Ушёл крадучись, чтобы не видела дочь. Взял только два костюма и несколько рубашек. Людмиле с порога сказал: «Будет трудно - позови». Она молча кивнула головой и, услышав, как тихо закрылась дверь, со стоном опустилась на стул...

Было трудно, очень трудно. И не раз. Но за годы, которые она прожила с дочерью без него, никогда не приходила ей в голову мысль: найти, позвать, вернуть.

Верка с Владиславом Петровичем уехали куда-то на север, где у неё жил влиятельный или состоятельный дядя. Он их устроил, помог с жильём, словом, взял под своё крыло. Только года через два Людмила Ивановна из случайного разговора услышала, что у них родился сын, что Верка приохотилась попивать и что на этой почве у них в семье нервозность и скандалы. Но Людмиле это не доставляло злорадного удовлетворения. Она уже перестрадала самые тяжёлые дни, мысленно простилась с мужем без мстительных слов и пожеланий. Дочке не внушала ненависти к отцу, напротив подчёркивала, что магнитофон или шубку они купили на отцовские средства. Владислав Петрович присылал деньги регулярно и суммы были неплохие. О дочери он помнил.

Вот и снова пришла осень. Долгожданная пора ярких листьев, тревожных шорохов, летающих паутинок. Сентябрьское голубое небо было по-особому чисто и строго. Горизонты как бы отделились, настолько они были ясны. Людмила обожала эту дивную пору. Её волновали этот всепобеждающий запах увядания и холодные беззвучные ночи. Да, всё отошло, ушло безвозвратно: и утомительный звон кузнечиков в поющих травах, и волнующий запах свежего сена, и молодые, сумасшедшие мысли. Бабье лето... Короткая пора в жизни женщины, когда дети уже выросли, а внуки ещё не родились. Алёнка, действительно, выросла. Семнадцать лет, начало нового этапа в жизни: выпускные экзамены, поступление в медицинский, вихрастый вздыхатель-одноклассник. «Вот и останусь одна»,- думала Людмила. Слёзы подступали к её глазам, и в горле больно застревал комок. Всё чаще она вечером выходила на высокое крылечко, садилась на верхнюю ступеньку и с грустью смотрела на дальнюю полосу заката. У крыльца росли высокие кусты неприхотливых жёлтых цветов. Людмила любила их за то, что цветут они всё лето и осень, и если бы не холода, их хватило бы ещё на всю зиму: столько на них ещё было нераспустившихся бутонов. Высокие стебли, привязанные к перилам крыльца, закрывали от глаз калитку. Поэтому Людмила вздрогнула, когда из-за куста золотых шаров вывернулась странная фигура, которую трудно было узнать не только из-за сгустившихся сумерек.

Это был Владислав Петрович. На руках он держал закутанного в какой-то тёплый платок маленького ребёнка, за его плечами висел большой рюкзак, а за карман пиджака держался мальчик лет четырёх. Людмила окаменела.

Она ничего не успела сказать, как бывший муж положил на крыльцо рядом с ней спящего ребёнка, сбросил с плеч рюкзак, опустился на колени и положил свою голову на её ноги, обутые в мягкие домашние тапочки. Больше всего Людмилу поразил не Влад, а мальчик, который смотрел на неё широко открытыми глазами. Он, наверное, устал и был голоден, но не хныкал, а терпеливо ждал, когда его кто-нибудь приласкает. В груди Людмилы кто-то горячо сжал сердце. Она без слов поняла, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Значит неважко стало жить её бывшему мужу, если он так неожиданно и страшно появился здесь снова. Что произошло с Веркой? Почему двое малышей с ним? Погибла? Села в тюрьму? Бросила их?

Людмиле вдруг явно представилось, как Влад, уходя от неё, сказал от порога: «Если будет трудно - позови». Вот, оказывается, кто по-настоящему нуждался в помощи, участии, понимании, любви... Она не звала его, но он нуждался в её зове, он иступлённо молил её о прощении за тысячи километров и, не выдержав её молчания, приехал, чтобы положить к её ногам свою повинную голову. Сколько раз, оставшись без своей беспутной Верки, которая погибла под колёсами автомобиля, он мысленно возвращался к этому крыльцу. Каждый раз он представлял, как он стоит у порога своего дома. Но всегда свои мысли он обрывал стоном страдания. Он видел, как, холодно посмотрев на него, Людмила закрывает перед ним дверь.

Теперь это было наяву. Он стоял перед родным когда-то порогом, а на него смотрела Людмила. Только не холодная и равнодушная, а растерянная и совершенно беспомощная с побелевшими губами. Она молча взяла мальчика за руку и повела в дом. Владислав, подняв на руки укутанного в платок ребёнка, шагнул вслед за ней.

В ГОСТЯХ У МАТЕРИ

Долгие осенние ночи для Пелагеи были сущим наказанием. Они тянулись нескончаемо до самого зыбкого и серого рассвета, и все боли обострялись: то, что днем в бесконечных хлопотах притуплялось, ночью крутило, ныло, давило. А что поделаешь? Ведь восьмой десяток заканчивает, а жизнь какую прожила? Да не одна она такая. Сколько их, деревенских баб, безропотно несли свою тяжкую долю, начиная с голодного босоногого детства до глубокой и беспомощной старости. Ей, можно сказать, еще и повезло: ее Степан, хоть и израненный, но вернулся с войны. Поженились, троих сыновей родили. А сколько ее ровесниц-подруг так и остались вековать без мужиков: выкосила война их суженых, обрекла на тяжкий труд и горькие слезы.

Правда, и Пелагея не долго пожила за мужниной спиной. Степан умер, когда Ваньке было десять, Семену - шесть, а Мишутка еще в люльке распевал. В трудное они росли время. Всякое им доставалось. И горькое, и соленое. Но никогда ни на что не жаловались и помогали матери всеми своими мальчишескими силенками. Старший Иван оказался таким «головастым» в учебе, что после техникума пробился до университетского диплома, достиг больших высот в карьере, жил в Москве и занимал высокую должность.

Средний, шустрый и неугомонный Семен, которого братья дразнили «Сенькой - колесенькой», свил свое гнездо в далеком северном городе, руководил стройкой и тоже имел троих сыновей. К матери, как и старший, навещался очень редко, но на лето отправлял своих сорванцов к бабушке на молоко и молодую картошку.

Ну а Мишка, хоть и остался в родной деревне, но тоже от матери отлепился полностью. Хороший он мужик, умелый, работающий, по характеру сходливый.

А вот не сумел свою жену Нюрку поставить на место. Увела она его из родного дома к своим родителям. Понятное дело, ей там вольготно жилось: одна дочь у родителей, все для нее, на всем готовеньком. Михаил сначала стыдился, когда слышал в свой адрес полунасмешливое слово «приймак», а потом все сгладилось, жизнь пошла по накатанной дороге. Работал он бригадиром, целый день за рулем. Но мимо материнского дома проезжей дороги не было.

Пелагеино одиночество скрашивала дружба с соседкой, бабой Феней, которая доживала свой век в ветхой хатенке, справлялась сама со своими заботами. Ни мужа, ни детей у нее никогда не было, и она иногда говорила Пелагее:

- Мне, Полюшка, не обидно. Я одна, как перст. А у тебя ведь трое. А чем тебе лучше моего? А все бабы! Твой Мишка, бывало, мне как сын родной. Бывало и дровишек наколет, картошку в погреб стаскает. А теперь мимо проедет и не заметит.

- Да закурился он, Феня. Своих забот по горло.

- А к тебе как относятся? Мать нужна детям, пока малые, а вырастут... А старшие? Хоть копейку прислали они тебе? Хоть письмишко одно? - не унималась подруга.

- Прислали - не прислали... Мои дети - моя печаль, - отмахивалась Пелагея.

Но в душе наслаивалась горечь, делиться которой она не хотела ни с кем, даже с родным братом Егором, который жил на другом конце деревни, но сестру частенько навещал, помогал управиться с огородом, починить изгородь, словом, поддерживал ее хоть и не молодыми, но мужскими руками.

В этот ранний осенний вечер кто-то постучал в окно. Пелагея кинулась в сени и отодвинула железную задвижку двери. На пороге стоял Егор.

- Что ж ты, сестра, даже не спрашиваешь, кто стучит? Открыла - и все тут. А если б на моем месте стоял какой-нибудь бандюган с топором? - проворчал он.

- Да Бог с тобою! Зачем ко мне лихой человек? У меня-то и грабить нечего. Да и по привычке открываю, как бывалоча, не боюсь никого.

- Ну и напрасно. Не видишь, не слышишь, что творится сейчас? За пенсионную копейку удавят человека... Но я к тебе с хорошей новостью. Сыновья к тебе в гости едут!

Пелагея ошарашенно смотрела на брата, не зная, правду ли он говорит или шутит:

- Сыновья?... В гости?... Да что ж ты, старый черт, молчал! Надо ж мне приготовиться...

- Не суетись, Полюшка. До утра еще много времени. Позови Феню, да и я тебе подсоблю.

Когда утром к хате подъехала заляпанная осенней грязью «Волга» - такси, Пелагея не успела даже переодеться. Она достала из комода новую кофту, нырнула за цветастую занавеску и вышла, на ходу застегивая пуговицы. На пороге стояли Иван, Семен и жена Ивана Инна, которую Пелагея знала только по фотографиям. Несмотря на возраст, невестка выглядела молодожавой, красивой и холеной. Мать, обнимая сыновей, сквозь слезы шептала:

- Ванюша, Сеня... Приехали... Ну и слава Богу! Дождалась я... Здравствуй, дочка, здравствуй Нина!

- Мама, ее зовут Инна, - поправил ее Иван.

- Да вы уж простите меня, старую... Мне как проще, так и зову. Шумно и весело гости раскрыли Иванов чемодан, рюкзак Семена, выложили на стол городские красиво упакованные продукты. Матери набросили на плечи белый пуховый платок, а дяде Егору какой-то навороченный портсигар и большую коробку дорогих сигарет:

- Двести штук, крестный! Дыми себе на завалинке!

- Отдымился я, Сеня. Покончил с этой отравой, - махнул Егор рукой. - Но за подарок спасибо. Что ж это Мишка задерживается?

Но в это время послышались шаги в сенях, и Михаил с порога начал обнимать братьев. Мать сквозь слезы смотрела на эту встречу, ей все никак

не верилось, что под родительской крышей собрались все трое, все самые дорогие, самые близкие ей люди.

- Ну ты и медведь, Мишка! У меня аж кости хрустнули от твоих лап, - пошутил Семен.

- А бензином, наверное, навеки пропах, - поддержал Иван.

Инна тем временем окидывала взглядом крестьянские хоромы, задержала взгляд на старых часах в простенке с маятником и картинкой «Утро в сосновом бору». Прислушалась к скрипнувшей под ней половицей и почему-то вздохнула.

- Может, умоетесь с дороги?

- Не мешало бы.

Пелагея поспешила к сундуку и достала старинное, с петухами, льняное полотенце, которое много лет хранила для самых дорогих гостей. А еще здесь же лежало нераспечатанное земляничное мыло, то самое, которое так любил в детстве ее старшенький.

Но Инна, взглянув на смущенного мужа, достала из чемодана яркое махровое полотенце:

- Спасибо. Полотенце мы привезли с собой. Вы уж извините... Привыкла к своему... А здесь, наверное, другого мыла и не бывает, кроме земляничного. Спасибо, я мыло тоже с собой захватила, - и она вынула из чемодана красивую мыльницу. Иван подошел к матери, обнял ее за плечи и тихонько сказал:

- Ладно, не обижайся, мама. Инна в деревне впервые. Она тебе еще понравится, вот увидишь.

Давно не было в Пелагеевой хате такого обильного и вкусного стола. Все, что успела с Феней и братом приготовить, выставила мать на большой семейный стол. Сюда же добавились городские деликатесы, привезенные гостями, а дядя Егор выставил на стол бутылку дорогого коньяка.

- О! Шикуюешь, крестный! - воскликнул Семен.

- Раз в сто лет по обещанию, - пробурчал Егор. - Вас теперь ни калачом в деревню не заманишь, ни коньяком.

- Да, - задумчиво произнес Иван. - Разъединила нас как-то жизнь. Все получилось так неожиданно... Если бы не это письмо...

- Какое письмо? - спросила мать.

Но дядя Егор сразу перебил разговор, произнес тост, поздравил с приездом, выразил благодарность, что племянники не забыли дорогу в родимую сторонку. Выпили. Разговор пошел живее. И тут в дверь бочком вошла соседка баба Феня. Встретили дружным гулом, задвигали табуретками, поднесли соседке штрафной. Та подняла рюмочку и обратилась к Пелагее:

- Выпей со мной, Полюшка! У тебя ныне праздник. Стены и те рады... А вот мне даже выпить не за что... Ну, с приездом вас, стало быть!

Беседа начала разветвляться, Семен, обняв Михаила, рассказывал ему о своей городской жизни. Работа, домашние дела, три оболтуса, с которых нельзя глаз спускать, жена не совсем здорова. Вот достал ей путевку,

отправлю в санаторий, а самому со всеми, видно, не справиться. Старшие-то в школе, а меньшего некуда девать. Вот и думаю, мол, к маме в деревню отправить. Пусть поживет.

А Иван под пристальным взглядом своей половины все-таки проговорился матери, что приехали они по письму... от дяди Егора. Он, дескать, написал, что мать очень больна и пока жива, надо бы с ней повидаться.

- Я так рад, мама, что дядя Егор обманул нас, что ты не лежишь, что еще такая бодрая... Выходит, нам повезло, потому что задерживаться нам никак нельзя. У Инны в Москве неотложное дело, и через день нам надо возвращаться... Возьми вот деньги, мам. Тебе они пригодятся, - и он сунул в карман материнской кофты плотный конверт.

Пелагея обвела всех влажными глазами и попросила всем налить. Хотела было встать, но ноги, как ватные, не послушались ее. Баба Феня, заметив это, сказала:

- А ты, Полюшка, говори сидя. Говори... Не оставляй до другога раза...

- И скажу. Для меня самое время. Другого раза может и не быть. А невысказанные слова камнем на сердце лежат.

Все притихли, повернули головы к Пелагее. Мишка опустил глаза.

- Сыновья мои, - дрогнувшим голосом сказала мать, - вы живете хорошо, все вы у меня ученые да умные... Я растила вас, как умела. Спасала вас от холода и голода. Оберегала от всяких бед... Сейчас нет ни войны, ни голода. Почему же на душе-то тяжело? Люди спрашивают: как сыновья-то? Пишут? Пишут, отвечаю. Они у меня в чинах, в почете... А ведь ни одной весточки от вас за последние годы! Спасибо, хоть Мишка не уехал, не бросил...

Слезы сами собой потекли по наморщенным щекам. Семен вдруг резко встал с табурета, повернулся к матери и встал перед ней на колени:

- Прости, мама!.. Я не стану оправдываться!..

Рядом с ним молча опустил Михаил. Иван растерянно смотрел то на мать, то на жену.

- Цирк какой-то! - фыркнула Инна.

Иван вдруг побагровел и почти выкрикнул:

- Не смей! Если это цирк, то я в нем - клоун! Смешной и жалкий клоун, которого ты дергаешь за ниточки. Всю жизнь дергаешь! Сколько раз ты отказывалась поехать со мной в деревню! Сколько раз устраивала истерики, не отпуская меня одного?!. Ни детей у нас, ни внуков! Пустоцветы мы с тобой, вот кто!

- Ваня, хватит! Сынок, не надо, - лепетала Пелагея. - У нее ведь тоже дел хватает, хоть и в Москве...

- Какие дела, мама? Думаешь, чего ей здесь задерживаться нельзя? Бульдог у нас под приглядом соседей... Вдруг ему мяса не хватит!..

Ивана понесло. Видно, давно сдерживаемое недовольство, обида, чувство сыновней вины, наконец, прорвались, как созревший нарыв, и теперь уже трудно было остудить этого крупного седоволосого мужчину.

...До самого вечера под камышовой крышей хаты тесным кругом сидели самые родные друг другу люди, давно не видевшиеся, позабывшие, как согреваются сердца рядом с матерью. Чего только не вспомнили, кого только не помянули, в чем только не покаяться! Мишка, как бы заглаживая гнев старшего брата, как бы оправдывая столичную невестку, каялся, что вот он и близко к родительскому дому, и физически крепкий, и не бедный мог бы помогать матери... Да вот эта проклятая текучка, бригадирские обязанности, этот тесть-скупердяй, эта зловредная Нюрка... Но тут Пелагея поставила точку.

- Хватит, дети! Самих себя клясть тоже грех. Не вините себя. Видно, так жизнь устроена. Разбросала она всех по белу свету. Но помните, пока мать жива, она вас ждет. И вам есть где собраться вместе. Вот как сейчас. А я на вас не обижаюсь. У меня все слава Богу! А вот бабе Фене край помочь надо! У ней крыша совсем прохудилась. Если дождь, так с тазиками носится.

Егор повозился на табуретке и сказал:

- Ничего, Федосья. Не горюй. Завтра же приду гляну, как дело поправить. Как, Мишка, думаешь двое справимся?

- Да об чем разговор!

...Увозила гостей к поезду та же «Волга». Пелагея обняла сыновей и невестку, перекрестила всех троих и сказала:

- Ну, с Богом, дети! Не знаю, когда теперь увидимся...

- Скоро, мама, скоро. По весне мы обязательно приедем. Надо дом привести в порядок, крыльцо новое сделать, колодец пробить. Сыновья мы тебе или не сыновья?

- Сыночки мои, - только и сказала мать.

Машина уже далеко отъехала от деревни, а две женские фигурки долго еще стояли у покосившегося заборчика. Старушечьи глаза уже с трудом различали уходящую в гору машину. Что-то мешало им. То ли реденький осенний туман, то ли непослушные бабьи слезы.

ВИТЬКИНА НЕДЕЛЯ

Школу Витька не любил и ходил туда без желания, без радости. Как говорила бабушка, «отбывал». Правда, когда он учился в младших классах, у него с учёбой ладилось. Особенно нравилось ему на уроках математики. Вот уж где не заскучаешь. Примеры он решал сходу, устный счёт доставлял ему необъяснимое удовольствие. Задачи, даже самые заковыристые, тоже были ему по плечу. Но вот рассказывать он не умел, а потому не любил. Речь его была замедленной и бедной, он с трудом подбирал слова, чтобы пересказать сюжет простенького повествования. А сочинения писать для него было настоящей мукой. В средних классах Нина Михайловна не раз говорила ему: «Ничего, старайся. Научишься. Это не сразу даётся». И ставила спасительную тройку.

А вот когда Витька перешёл в десятый класс, начались настоящие страдания. Уроков литературы он просто боялся. Почему-то сразу невзлюбила его Ирина Фёдоровна. Строгая, подтянутая, не улыбочивая, она держала класс в ежовых рукавицах. И терпеть не могла «мямлей», как она называла учеников, подобных Витьке. Двойки она ставила легко, даже, как казалось многим, с удовольствием. А если проводила анализ сочинений, то Витькина работа становилась предметом язвительного разбирательства и дружного хохота всего класса. Витька весь сжимался, но делал вид, что ему тоже очень весело от этого «анализа».

Во вторник первым уроком была литература. Ирина Фёдоровна собрала тетради с домашним сочинением, бегло просмотрела их стопку и строго взглянула на Витьку.

-Федосов, ты почему не сдал сочинение?

-Я, Ирина Фёдоровна, не написал его.

-Это уже интересно. Почему, позвольте полюбопытствовать?

-Я не смог. У меня вчера заболела мама.

-Не понимаю. При чём здесь мама? Сочинение должен писать ты, а не мама.

-Я не успел. Сначала бегал за врачом... Потом в аптеку. А потом управлялся по хозяйству...

-Тебя послушать, так на тебе весь дом держится. Что у вас больше живых людей нет в доме? А отец? А бабушка?

В классе наступила редкая тишина. Витька молча опустил глаза. Да разве ж мог он сказать этой холодноглазой, что отец уже полгода назад бросил их, ушёл к своей любовнице и живёт на другом конце города? А бабушка... Что с неё возьмёшь? Только вздыхает да крестится. Хорошо, что хоть готовит поесть, и на том спасибо. Старенькая она уже.

Ирина Фёдоровна обвела класс глазами и сказала:

Иди, Федосов, к доске. Скажи-ка нам, какое произведение мы сейчас изучаем. Витька наморщил лоб и неуверенно ответил:

-«Грозу» Островского.

- Что за ответ? - раздражённо повысила голос учительница. - Как нужно правильно ответить? Глухова, скажи.

Глухова, постоянная отличница и активистка, встала и чётко отрапортовала:

- Мы сейчас изучаем драму великого русского драматурга Александра Николаевича Островского «Гроза».

- Вот именно, Федосов. Великого русского драматурга.

Витька переминался у доски с ноги на ногу.

- А скажи, Федосов, какой нравственный смысл вкладывала героиня Островского Катерина в фразу «Отчего люди не летают?»

Раздражение словесницы росло и требовало выхода. Она бросила на ученика презрительный взгляд и сказала:

- Хотя, что ты можешь ответить, когда не удосужился прочитать пьесу?

Витька хотел возразить, что пьесу он прочитал, но промолчал. Пьеса, честно говоря, ему не понравилась. Не понимал он, почему превозносят Катерину: «луч света», «луч света». А что же это за луч, если мужу изменила? Вот Тихона, действительно жалко. И мать тиранит, и жена не понимает. А ведь он добрый мужик. Несчастный только. И от Катериной измены, небось, сильно страдал. Как мама, которую бросил отец...

- Послушай, Федосов, как люди готовятся к урокам. Глухова, отвечай на вопрос.

Глухова с достоинством поднялась и скороговоркой сообщила, что в фразу «Отчего люди не летают?» Катерина вложила извечную мечту русской женщины о человеческом достоинстве, о праве на любовь и счастье вопреки деспотическим силам «тёмного царства».

- Молодец, пятёрка,- кивнула Ирина Фёдоровна и снова уставилась на Витьку.

Интересно, Федосов, как ты дошёл до десятого класса? Неужели ты думаешь, что выпускное сочинение за тебя будет писать...Пушкин? Вот скажи всем нам, что мне с тобой делать на экзамене. Как ты будешь писать сочинение?

-Молча,- сказал Витька и сразу пожалел о своей дерзости.

Учительница высоко вскинула бровь и язвительно изрекла:

-Нет, вы посмотрите на него! Он ещё и острит. Он ещё и воображает о себе что-то.

В классе кто-то хихикнул. Кровь прилила к Витькиному лицу. Он порывисто вскочил и выбежал из класса...

Целую неделю Витька не появлялся в школе. Утром с сумкой, в которой рядом с учебниками лежали свёрточки и кулёчки, приготовленные бабушкой для больничной передачи маме, Витька уходил из дома. И возвращался, когда улицу уже укрывали тоскливые осенние сумерки.

Где только не побывал он в эти дни! Одинок бродил по чужим улицам. Иногда заходил погреться в фойе кинотеатра или в новое здание почтамта, где можно было посидеть за столом, делая вид, что заполняешь какой-то бланк. Но чаще всего он садился на влажную скамейку в осеннем парке и заново переживал события последних дней. Больше всего думал о

матери. «Мама, - думал Витька, - я знаю, как тебе трудно. Хотя ты никогда мне об этом не говоришь. Как больно ранил тебя своими изменами гуляка-отец. А теперь совсем ушёл... Ну и пусть катится! Он ещё не раз пожалеет о нас. Зачем нам такой отец, который с нами жил, как будто одолжение делал...»

О школьном конфликте старался не думать. Ну и пусть обозвала его Ирина Фёдоровна, унизила в глазах всего класса. Ведь большинство ребят в классе понимают, что на её занятиях они получают больше уроков бездушия, чем доброты. Эти слова про извечную мечту о человеческом достоинстве - всего-навсего пустые, холодные рассуждения. А на глазах всего класса попиралось, уничтожалось именно человеческое достоинство. Его достоинство, Витькино... Ну что ж поделаешь! Школу-то ведь надо заканчивать. А там Бог с ней, с Ириной Фёдоровной, с Катериной, с великим русским драматургом. Они не главное в жизни. Главное - стать опорой матери. Оберегать её, жалеть... «Каждый день я буду делать что-нибудь такое, чтоб мама радостно улыбнулась», - думал Витька.

Когда во второй половине дня «после школы» Витька приходил в больницу, мать встречала его с тревогой в глазах. Ей казалось, что сын излишне бодро отвечал на её вопросы. Дома всё хорошо. В школе всё нормально... Уходя от матери, Витька себя казнил: «Всё нормально. Ничего себе нормально! Знала бы мама... Сколько дней уже не был в школе. И никому... никому до меня дела нет. Значит, я в классе, правда, пустое место?»

Его, действительно, задевало, что ни одна душа не заинтересовалась его делами, никто из одноклассников не пришёл узнать, почему его нет в школе. Только конопатый и задиристый Генка Тихонов, увидев его в хлебном магазине, потряс ему руку и спросил:

- Ты чё? Болеешь?

- Болею, - вяло ответил Витька.

- Ну-ну, болей на здоровье, - хохотнул Генка и, довольный своей шуткой, стал запихивать буханку хлеба в портфель с учебниками.

Витька шёл домой, старательно обходя лужи, хотя ботинки всё равно уже промокли. В сумеречном свете он увидел у подъезда знакомую фигуру. Это стоял отец. Он был явно навеселе, и Витьке даже на расстоянии почудился знакомый запах спиртного. Мальчик в нерешительности замедлил шаг, но отец сам подался ему навстречу. После того, как он ушёл из семьи, ни разу не видел он сына. Взяв Витьку за плечи, он с искренним удивлением произнёс:

- Как ты подрос, Витюха! Прямо не узнать.

Не услышав ни слова в ответ, отец смущённо кашлянул и спросил:

- Где ты шатаешься? Мне тёща сказала, что ты каждый день приходишь поздно. Где ты бываешь?

- Тебе-то какое дело? - угрюмо спросил Витька.

- Привет! Ну ты даёшь! А кому ж тогда до тебя дело, как не отцу?

Витька криво усмехнулся. Мужчина, взяв мальчика за локоть и дыша ему в лицо отвратительным перегаром, заговорил горячо и заискивающе:

- Сынок, зря ты так, ей Богу зря. Ведь я тебе родной отец... Ну не сложилось у нас с матерью, но ты-то мне всё равно сын. Я-то о тебе день-ночь думаю... Соскучился. Вот с полочки купил тебе подарочек...

Он полез в карман куртки, но Витька остановил его решительным жестом.

-Уходи. Не нужно мне от тебя подарков. Ничего не нужно. Ты нас предал. Ты бросил маму... ради этой своей... Но не думай, что мы пропадём... Не пропадём! А ты... больше не являйся сюда, маме и без того тошно...

-Ах, вот как ты заговорил! - взвился отец. - Я для тебя всё делал, всю душу отдавал, а ты...

-Чтоб отдать душу, надо иметь её!

-Щенок! - рявкнул мужчина. - Как ты разговариваешь с отцом!

Витька круто повернулся и потянул дверь подъезда на себя. Поднимаясь по ступенькам лестницы, он слышал, как громко и зло матерился ему вслед этот ставший совсем чужим человек...

Всю ночь Витька ворочался в постели, не мог уснуть и передумал за ночные часы очень о многом. Утром он пришёл к матери. Она вышла к нему из палаты, бледная, гладко причёсанная. Тревожно заглянула сыну в глаза.

-Что, Витя? Почему ты не в школе?

-Мама, я пришёл тебе сказать, что у нас всё будет хорошо. Вот увидишь... Я сделаю всё, чтобы было хорошо.

-Господи, да что с тобой, сынок? Что ты натворил?

-Да не пугайся ты. Ничего я не натворил. Кроме того, что неделю не ходил в школу. Не переживай, я наверстаю... Я никому тебя в обиду не дам. Никогда.

Глаза матери наполнились слезами. Она ничего не знала про эту прожитую Витькой неделю, но сердцем чувствовала, что её сын-подросток перешагнул какую-то невидимую черту. Что-то новое, едва уловимое появилось в нём. Мальчишка превращался в мужчину. Желанная опора, защита, надежда чувствовались в его открытом взгляде, в крепкой фигурке. И мать молча положила ему голову на плечо.

ГИТАРА СЕМИСТРУННАЯ

С ПЕРВЫХ дней своего замужества Надя поняла, что в доме мужа всем заправляет мать, женщина крупная, шумная и безапелляционная. Никто в доме не имел права противоречить ей. Даже тон, каким говорила Марфа Петровна, не допускал возражений. Да и возражать-то никто не собирался. Если кто-нибудь из домашних пытался высказать свое собственное мнение, она смотрела на него холодным взглядом и говорила всегда одно и то же: «Не чуди!» Чудить постепенно отвыкли. Степан Николаевич, добрый, спокойный мужик, давно понял: лучше смолчать и подчиниться, чем потом выдерживать долгую и крикливую брань своей половины.

А сын старался все вопросы своей личной жизни решать, не включая материнских эмоций. Чаще все вопросы они обсуждали с отцом и по негласному договору завершали такие беседы так, чтобы мать не знала, не догадывалась, что у них случилось. Теперь уже полгода в доме молодая хозяйка, невестка, хрупкая белокурая Надюшка. Она с первых же дней в новой семье старалась не портить отношений со свекровьей. Надя работала библиотекарем и все время, которое она проводила не на работе, старалась использовать дома с толком, чтобы была отдача, видимый результат. Марфа Петровна раздражалась, если видела невестку без дела или дело было, на ее взгляд, пустяковое. Вот затеет Надя уборку и уж больно долго возится с комнатными цветами: моет им листья, рыхлит, поливает. А какой от них прок, от цветов-то? Что за навар с них? Морока одна. За это время лучше бы пару веников связала. Они сейчас на базаре в хорошей цене...

Надя недавно получила зарплату. Хотя и небольшая это сумма, но ей было приятно, что это единственные живые деньги, которые имеет семья, так как у Игоря полочки не было уже четыре месяца, свекор перечислял свою пенсию на книжку, а Марфа Петровна только собирала документы на оформление пенсии.

Из трех своих получек Надя откладывала по небольшой сумме, собираясь купить подарок ко дню рождения Игоря. Ей хотелось купить для мужа фотоаппарат или хорошую гитару. Игорь очень любил гитару, хорошо на ней играл, но всякий раз, когда возникала необходимость в шестиструнке, он бежал к другу и возвращал ее, не задерживал ни на один день. Надя всякий раз думала: «Обязательно куплю ему гитару. И будет она у него не такая обшарпанная, как та, что берет он «напрокат», а настоящая, хорошая по звучанию и непременно красивая! Правда, фотоаппарат в доме — тоже вещь нужная. Сколько бы снимков имели без проблем!»

В один из первых осенних дней она поехала в районный центр на семинар библиотекарей. После семинара вместе с Тамарой Ивановной, пожилой женщиной, работающей в библиотеке соседнего села, зашли в универмаг. Там в отделе музыкальных товаров Надя и купила то, о чем она мечтала. Гитара была дороговатой, но цена подтверждала ее качество. И Надя, прикинув свои возможности, решилась. Не хватало немного денег, но она попросила Тамару Ивановну одолжить ей небольшую сумму. Гитару

хорошо упаковали в серую оберточную бумагу, и Надя, бережно прижимая ее к себе, зашла в автобус. С облегчением увидела, что в автобусе нет обычной давки и села у окна, положив себе на колени укутанную звонкоголосую красавицу. До дня рождения Игоря оставалось еще больше месяца. Не хотелось бы, чтобы подарок он увидел уже сейчас. Пусть это будет сюрпризом. Нести гитару к кому-то в чужой дом ей тоже не хотелось. «Пусть она полежит в библиотеке», — решила Надя. Так и сделала.

День рождения Игоря был для семьи всегда хлопотным. Раньше готовились к нему, как к большому празднику. Гостей собиралось много, потому что родня была многочисленная. Теперь же жизнь диктовала: по одежке протягивай ножки. Позови одних — другие обидятся, позови всех — слишком много будет, накладно. И Марфа Петровна сказала сыну:

— Родню собирать не будем. От них толку никакого. Попить да пожрать — мастера. А чтоб подарить как следует — не дождешься.

Игорь нерешительно возразил, но мать категорично заявила:

— Собирайте своих друзей. Молодым кружком посидите, чего уж там... Только Генку Черненко не зови ради Бога.

Да ты что, мам! Какое же гулянье без Генки? Такого баяниста и балагура поискать.

И глотку такую тоже поискать! Ему одному литр водки надо. Да еще как выпьет, так песни начинает всякие срамные.

Ну что уж и пошутить нельзя? На то ж и праздники, чтоб расслабиться.

— Да вы, слава Богу, и так все время расслабленные! Мне уже галдеть вам надоело: перестелите пол у коровы, переделайте дверь в подвале, совсем уже в труху превратилась... А вам все нет времени.

— Да ты что, мать? — вмешался свекор. — Не видишь, что действительно ни минуты отдыха не было? С огородом вот только управились. Теперь и за топор можно браться... А Генку позвать надо, мать... Как же без него?

— Не чуди! — отрезала Марфа Петровна. И все замолчали.

На день рождения пришли друзья

Игоря и Нади, молодые супружеские пары, бывшие одноклассники, соседи, кумовья. Человек двадцать дружно сидели за столом. Поздравляли, произносили тосты, поднимали рюмки, шутили, смеялись. Пробовали петь, но что-то не получалось: то низко начнут, так что петь становилось трудно, то слишком высоко — на визг переходить надо.

— Эх, елки-палки, без Генки не идет песня. Щас бы он развернул меха! — сказал Витька.

— А чевой-то его нет нынче? — поинтересовалась его кругленькая жена.

— Да нельзя ему никак, — бормотнул Игорь и слегка покраснел.

— А пусть нас выручит гитара, — вдруг сказала Надя. — Игорек, под гитару поется задушевнее, правда?

— Ой, Надюшка, мне опять бежать за ней к Кирилловым. А они дают и дрожат всегда: гляди, чтоб струны целы были! Бог с ней, с гитарой, мы и так

споем.

И он красивым голосом запел свою любимую: «А где мне взять такую песню...» Он всегда запевал ее первой, нравилась ему она, несмотря на то, что давно уже вышла из моды.

Надя молча вышла в соседнюю комнату и вынесла оттуда новенькую, блестящую лаком гитару, очень изящную и тонированную: опенки плавно переходили от светлого до темного. Красивый узор привлекал глаза: затейливая веточка оживляла инструмент. Надя, светясь от радостного возбуждения, смотрела на мужа:

— Игорь, это тебе мой подарок... С днем рождения тебя, дорогой!

— Вот это да-а! Спасибо, Надюшка!

Гости дружно зашумели:

— О нет, тут спасибо не отделаешься!

— Уж как она тебе угодила!

— Горячий поцелуй!.. Давай, давай!...

— Горько! Горько! — заорали разгоряченные друзья.

Игорь с удовольствием прижал к себе

Надю и поцеловал долгим и спокойным поцелуем...

— Гляжу я на вас, молодых, и диву даюсь: ни черта у вас ума нету! Не умеете вы жить, да видно и не научитесь никогда, — это Марфа Петровна вошла и остановилась в дверях, недовольно наблюдая за этой картиной.

- Чего ж это так, тетка Марфа?

- Можя и правда не умеем, но когда-нибудь научимся.

— Нет уж, голуби мои, если у Вани нет ума, то у Ивана его не спрашивай!

— Мам, в чем дело? — неловко улыбаясь, спросил Игорь.

— Тебе еще пояснять надо? Ведь она за эту гитару не копейки отдала. А на кой ляд она сдалась в хозяйстве эта гитара? Какая от нее польза? И так в доме ни гроша, дак она еще и убухала черт-те куда! А то, что тебе к зиме шапка новая нужна, ей и в голову не стукнуло...

Густая краска залила лицо Нади. Игорь тоже побагровел. Гости были еще не настолько пьяны, чтобы не заметить неловкости этой семейной ситуации. Воцарилась тишина, от которой Наде стало почти дурно. А свекровь, ободренная тишиной, которую она приняла, как внимание к ее умным поучениям, пошла в разнос:

— А чему удивляться? Она-то и денег в руках не держала, почитай, за всю свою жизнь. Взяли-то ее голую-босую...

— Мама! — возмущенно крикнул Игорь.

— Что «мама», что «мама»? Не правду я говорю, что ли?

Надя, выскочив из-за стола, метнулась в прихожую, сорвала с вешалки свой плащик и с не покрытой головой выбежала на крыльцо. Косые удары дождя хлестали по лицу но Нади не замечала этого. По темной улице она бежала к небольшому старинному особняку под большими старыми вербами. Здесь была ее библиотека куда же ей еще бежать? Господи, если бы рядом была мама! Как хорошо сейчас кинуться к ней, прижаться к теплой, родной

груди... Но мама далеко, в другом районе, одиноко живет в своей низенькой хате окнами на широкий луг. И ничего, ничегошеньки не знает, какво живется ее дочке новой семье. В письмах Надя всегда писала, что ей хорошо. Оставаясь наедине со своими мыслями, она старалась найти оправдание для свекрови, критически оценивала свои слова и поступки, укоряла себя: «Ну чем ты еще недовольна! В тепле, сытости. Игорь любит, свекор жалеет. Ну а матери угождай побольше, она и перестанет пилить... Ведь выдаются же иногда дни, когда свекровь ни разу не прицепится ни за что, не унизит, не высмеет... Самой мне надо быть предусмотрительнее, обходить острые углы», — думала она. Но эти острые углы цепляли ее постоянно, несмотря на все предосторожности. Сначала Надя тихо плакала, не жалуясь мужу, потом начала рассказывать Игорю самых больно ранящих словах свекрови, но поняла, что от этого плохо не только ей, но и мужу. «Буду уж как-нибудь сама - решила она. — Зачем еще и Игорю отравлять настроение?»

В последние дни жизнь пошла вроде бы спокойно. Марфе Петровне было приятно, что всю заботу о подготовке праздничного стояла на себя невестка. Надя, оказывается, и готовила здорово, многие ее блюда для Марфы Петровны были вообще незнакомы. Правда, никакой похвалы молодой хозяйке она не выразила; вообразит о себе невестка Бог знает что! Но отношения поддерживала нормальные. И вот эта злополучная гитара. Вместо счастливых минут от неожиданного и приятного подарка такой стыд и унижение... При всех... Боже, как теперь в глаза смотреть друзьям?

Надя поднялась на ступеньки и прислонилась к столбу крыльца, покрытого шиферным навесом. Здесь было тихо, дождевые капли не попадали на нее, и она почувствовала облегчение от того, что одна. Ей не хотелось никого видеть, ни с кем не хотелось говорить. Слезы обиды снова подступили к ее глазам. Больше всего ей было слышать от Марфы Петровны упреки в бедности. Хотя за что обижаться: в какой-то степени это было правдой. Мать, похоронив мужа еще в молодости, вырастила троих дочерей одна. Всем дала образование. Как ей приходилось учить их в городе, знает только она одна.

Всех троих замуж отдала. До богатого ли приданого, когда с трудом оплачивала учебу дочерей. И неправду сказала Марфа Петровна про голую-босую. Все необходимое для замужества было и у Нади, Скромненькое, недорогое, но было, спасибо крестному, родному брату покойного отца, без его помощи пришлось бы очень туго... Но свекровь при каждом удобном случае подчеркивала, сколько ковров и паласов привезла в дом соседней Зойки, когда вышла замуж за Кольку, Игореву сверстника. Надино же приданое Марфа Петровна не раз называла «твое барахлишко».

— Надя! Надюша... — к крыльцу библиотеки шел Игорь. Он обнял ее за плечи, прижался лицом к ее мокрым волосам и надолго замолчал.

Прости меня... Надюша, я понимаю, как тебе трудно жить в нашем доме. Ну потерпи, не обращай на нее внимания... Ты не думай, что она тебя не любит! Это не так, поверь. Ну такая она, смолоду такая... Все образуется. Я не дам тебя в обиду... поверь мне.

— Ты меня защитить не сможешь... Потому что... сам себя не умеешь защитить...

— Надя, какое слово ты страшное говоришь! Защитить... Какое-то военное слово, не семейное...

Надя горько улыбнулась:

— Военно-семейное получается. Чушь какая-то... Одно тебе скажу, Игорь; не смогу я долго... так. Пока нет у нас ребенка, лучше мне уехать отсюда.

-Ты что? С ума сошла? Да я тебя на краю света найду!

-Найду... И назад привезу?

-Надюша, не думай о плохом! Что-нибудь придумаем, ей-Богу. Ну все, все... не плачь... пойдем домой, а то гостей бросили... неудобно как-то.

А гостей в доме уже не было. Когда Степан Николаевич, едва управившись на своем хоздворе, услышал гомон высыпающей на крыльцо молодежной компании, он подумал: «Покурить ребята вышли». Но вся молодежь, звякнув калиткой, вышла за ворота. Хозяин в недоумении вошел в дом. Марфа Петровна одна растерянно стояла у стола. Не видя Игоря с Надей, отец все понял. Уж он-то знал характер своей скандальной супруги.

- Ты когда-нибудь хоть на минуту станешь человеком?! Или до гроба будешь стервозной дурой! — голос Степана Николаевича поразил необычной громкостью. Марфа Петровна этого не ожидала и поняла, что лучше все спустить на тормозах.

- Да что я такого сделала? Подумаешь, Надьку поругала за гитару. Деньги на ветер швырнула...

- Пускай на ветер! Это их дело! Пускай покупают, что им хочется. Это их жизнь. Сколько я раз тебе говорил: не лезь к ним!

- Не чуди, Степан!

Хватит! Я чудил всю жизнь... прощай тебе твою дурь! Теперь чудить не буду. Если ты еще хоть раз затронешь Надежду, даю тебе слово: останешься одна! Как перст! Я с тобой всю жизнь промучился, но чтобы ты и сыну жизнь испоганила, этого не допущу!

Отец грохнул кулаком по столу, зазвенела посуда, бесшумно упала на мягкий палас вилка. Мать молчала.

— Да как ты не поймешь, Марфа, что для Игоря эта гитара, может, самый дорогой в жизни подарок, — отец заговорил более спокойно, увещательно.

— Ведь это подарок от любимого человека... Неужели твое сердце так окаменело?

Отец помолчал и снова спросил:

— Ну чего ты к ней постоянно цепляешься? Чем она тебе не такая? Да нам Бога благодарить надо, что у нас невестка — золото: и работающая, и добрая, и умная. Ты погляди, как Дарья-соседка мучается со своей Зойкой. Она ж каждый день слезами умывается. А терпит — сына жалко. А он и Колька от такой стервы сбежал бы на край света...

— Степушка, вот этого я и боюсь пуще всего... Наш Игорь тоже может

от нас... на край света... За ней! А я этого не перенесу.

— Вот именно, за ней... Дак ты ж делай так, чтоб им с нами было хорошо, а не без нас. Жалей ее, дуреха.

— А ты думаешь, у меня в душе жалости нету? Кого ж мне любить, как не их?..

Хлопнула входная дверь, и сын с женой вошли в комнату. Обняв Надю одной рукой, Игорь сказал, обращаясь к матери:

— Спасибо, мама... Хороший ты подарок ко дню рождения мне сделала Мой подарок, может, тоже тебя обрадует... Мы освобождаем тебя от нашего присутствия. Уезжаем мы с Надей...

Надя метнула на Игоря удивленно-испуганный взгляд. Нет, он не разыгрывает, не пугает... Значит и впрямь решился? Боже, да что ж это такое?

Марфа Петровна подняла взгляд на мужа, перевела его на сына, потом на Надю, и вдруг слезы наполнили ее глаза и обильно потекли по еще не совсем увядшим щекам. От боязни одиночества, которым пригрозил муж, от раскаяния перед Надей, от затаенной невысказанной любви к ним обоим, таким еще молодым, таким несмышленным. Она хотела повиниться, попросить у них прощения, но вместо нужных слов вырвались рыдания. Ей даже хотелось, чтобы они накинулись на нее, обвиняли, укоряли. Однако отец и сын стояли неподвижно, глядя на Марфу Петровну сурово и осуждающе. И только по лицу Нади тоже катились слезинки. Но уже не от обиды, горечи и неприязни. Это были слезы сострадания. Она шагнула к свекрови, обняла ее и сказала: «Не надо, мама...».

Марфа Петровна, не ожидающая от Нади этого, запричитала:

— Ох, доченька, прости меня дурру проклятую... Я тебя уже замучила, а ты меня жалеешь...

И обе женщины, обнявшись посреди комнаты, стояли, не находя нужных слов.

— Ну хватит сырость разводить, бабоньки. Давайте поужинаем по-семейному, — сказал отец.

Игорь улыбнулся, взял со стула гитару и бережно положил ее на сервант, где в затейливой резной рамке стояла увеличенная фотография: Марфа в подвенечном наряде сидела рядом с молодцеватым Степаном. Марфа Петровна вытерла фартуком лицо, отодвинула два рядом стоящих стула и сказала;

— Садитесь, дети. Отец, наливай-ка. С днем рождения, сынок!

ДИКИЕ МАЛЬВЫ

Когда Роман разошелся с женой, вопрос о том, с кем останется девятилетний Мишка, не стоял: конечно, с матерью. Какая же мать отдаст свое дитя мужу? Да еще такому размазне, он даже от себя петель не отведет, а где уж ему воспитывать пацана. Так на людях рассуждала Любка, когда заходил разговор о ее семейных проблемах. Правда, люди, знавшие эту семью, дипломатично отмалчивались, не понаслышке ведая о Любкином характере, о ее поведении и, прямо скажем, некрасивых выходках. Но никто не осаживал скандальную и нагловатую бабенку, рассуждали примерно так: чужая семья, как и чужая душа - потемки.

Жили они в большой деревне. А в деревне все как на ладони, не зря поется в одной песне: «От людей на деревне не спрятаться». Да Любка не очень-то и пряталась. Любила веселую жизнь. Дом мало притягивал ее, делала все, как из-под палки: лишь бы поскорее, да увейтаться к своим товаркам. Была у них теплая компания, собирались у Нюски Хабалкиной. Посидят, выпьют, посудачат, в основном, о мужиках. О чужих, конечно, потому что законный муж был только у Любки. Остальные были разведенки.

Чем чаще Любка убегала из дома, тем запущеннее становилась жизнь в семье. Главная беда - питались как попало. Ладно, Мишка, он вообще за столом-то редко сидел: все куски таскал, то пряник какой, то булочку. А Роман — мужик, работающий, здоровый, ему бы миску борща наваристого да кусок мяса, да горку блинчиков с чаем. А он, бедный, по пустому холодильнику все шарил да в порожние кастрюли заглядывал. Начались нелады. Спокойный и добрый мужик постепенно терял терпение. Разговоры переходили в ссоры. Один из таких закончился скандалом. Когда Роман сказал ей, что голодать не намерен, она ему ответила:

-Не доволен - готовь сам! Тебе не угодишь...

--А мне и годить не надо. Ты не о своей глотке думай, а о том, что у тебя в доме два мужика на всухомятке сидят. Стыдно кому сказать! Хоть бы ребенка пожалела...

Напряжение в семье росло. Любка меняться не собиралась и в один скандальный вечер заявила, что если ему все это не по душе — пусть выметается и едет в свою занюханную деревню, а она с Мишкой не пропадет. Не на такую напал!

Вот так и вышло, как напорочила Любка. Роман вернулся в свое село, где в еще добротном доме доживала свой век мать-старуха. Долго стыдился встречаться с односельчанами: не хотелось ему расспросов да сочувствий. Но постепенно жизнь пошла по иному руслу. Работал, платил алименты, изредка навещал сына, покупал ему кое-какие вещи, словом, заботился как мог.

Когда мать слегла, Роман решил жениться. Варя была ему под стать: такая же тихая, доброжелательная и заботливая. Свекровь все благодарила Бога, что он послал ей такую невестку.

- Вся надежда на тебя, Варюша, - говорила она слабым уже голосом. - Не бросай моего Романа, он тебя в жисть не обидит. Не дождусь только

внуков я от вас. Недолго мне уж осталось..

А потом глубоко вздохнула и говорила, крестясь на икону:

- Жалко мне Мишутку, унучика моего золотого... Пропадет он с этой шалавой, прости меня, Господи...

Внуков от Вари она, и правда, не дождалась: Катюша родилась через полгода после ее смерти. Роман - окружил своих «девчат» бесконечной заботой и лаской. Семья была всем на зависть. Когда дочке исполнилось три годика, произошли перемены. Однажды Роман пришел с работы мрачнее тучи. Варя не стала ни о чем расспрашивать, поставила ужин на стол, взяла Катю на руки и села к столу.

Поужинав, Роман сел на диван, посадил дочку на колени и начал разговор сам. Оказывается, к нему из райцентра приезжала Люба и объявила, что собирается замуж. А мужик, с которым она сошлась, не признает Мишу. Так, мол, и сказал: ты мне нужна, а довесок твой ни к чему.

Роман изумленно посмотрел на бывшую жену:

- Да ты что, отказываешься от сына?

- Отказываюсь... Ты вон как живешь, а мне тоже надо свою личную жизнь устроить.

- Да какая же ты мать? - возмутился Роман. - Ты подумала, как Миша все это перенесет?

- А ты какой отец? Смыздался от нас да и живешь, как у Христа за пазухой. А нам пропадать?! Да?

- Что тебе еще надо от меня? Ушел с одним рюкзаком. Квартиру тебе оставил... Алименты плачу.

- Забери к себе сына. Хватит мне одной колотиться! Он стал знаешь какой вредный! Вот ты его и доводи до ума.

Роман, хотя и хорошо знал свою бывшую жену, искренне удивился:

- Ну и сволочь же ты!

Любка возмущенно отрубилась:

- Не возьмешь Мишку - в детдом его сдам. Мне тоже одна жизнь отмерена.

Роман, успокаивая внутреннее волнение, подвел итог разговору:

- Я от сына не отказываюсь. Ты что, совсем оборзела? Мать живая, отец живой, а ребенка в детдом? Да я скорее отрублю голову твою непутевую, чем допущу это!

- Руки коротки, - парировала Любка. - Мою голову есть кому рубить, кроме тебя!

Так и не сговорившись и не уступив ни одного слова своему бывшему «размазне», Любка убыла восвояси.

Роман еле дождался конца рабочего дня. Как сказать Варя, что он заберет сына в свою семью? Что скажет Варя? Как поведет себя Миша в этой ситуации? Мысли роились в голове Романа, но в душе он был уверен: Варя поймет все правильно. Она примет чужого ребенка. Она разделит с мужем все, что выпадет на его долю.

И началась в доме новая жизнь. Очень непростая и нелегкая. У Миши

оказался больной желудок и запущенная пневмония. Мальчик дичился, ни с кем не разговаривал, плохо ел. Он был обозлен на весь белый свет и, когда Роман сделал какое-то безобидное замечание, он разрыдался и в истерике стал кричать, что он никому не нужен, что не хочет жить... Роман с Варей искали к нему свои подходы, старались прежде всего подлечить Мишу. Но все, что они делали, встречало глухое сопротивление мальчика.

В школе у Миши тоже не ладилось. Хотя учился он хорошо, но отношения со сверстниками не складывались. Друзей у него не было. Учителя старались как-то вовлечь его в коллективные дела, но мальчик так и оставался дичком. Однажды он не возвратился из школы. Варя все время поглядывала в окно, дожидаясь его, и маленькая Катюшка на каждый звук бежала к двери. Она привязалась к своему угрюмому брату и любила встречать его на пороге. А он тоже, как видно, готовился к этому и приберегал для нее в кармане конфетку или жвачку.

Уже все школьники прошли мимо их дома, прошел и директор школы, который обычно последним уходил домой. А Миши не было... Варвара, одев дочку, взяла ее за руку и вышла из дома. Через три двора от них жила Мишкина одноклассница. Варя зашла к ней, и Наташка рассказала, что Мишка на перемене подрался с Колькой Репкиным, выкинул свою сумку в окно и после этого в классе он не появлялся.

Взволнованная Варя пошла к соседям, у которых был телефон, и позвонила в механическую мастерскую, где работал муж. Роман, услышав об этом, тихо выругался. Потом помолчал и сказал:

- Не иначе как ливанул в Березовку, к матери. Ну что ж, пускай проветрится. Бегать за ним не стану. Успокойся, Варя, никуда он не денется. Я через час заканчиваю работу. Дома все обсудим.

Обсуждение вылилось в ссору. Варя настаивала на том, чтоб ехать в райцентр, искать Мишу. Роман кипел:

- Что еще ему надо? Ты ж с ним носишься, как с писаной торбой. Лучший кусочек - ему. Кур всех перерубила из-за него.

- Рома, как ты можешь! Ты же знаешь, у него желудок... Куриное мясо и бульон ему нужнее...

- Да не в том дело! Не курей я жалею. Не понимаю я, что ли? Другое меня скребет... Не видит он твоего добра, не ценит. Не называет тебя никак.

- Пускай не называет... Трудно ему, Рома. Не надо его подгонять. Ребенок он еще, а сердечко болит, как у взрослого...

- Ну что делать будем? Ехать за ним сейчас негоже. Он поймет, что мы так за ним... возомнит, будет каждую неделю бегать,- раздумывал вслух отец.

А Варя предложила связаться с соседями по Березовке, узнать, появился ли сын у Любки. Звонить уже по темноте пошли все трое. Соседка по райцентру Тимофеевна, славная, пожилая женщина, сказала, что Мишка приехал на автобусе, но матери дома не застал. Он посидел на крыльце, хотел зайти в дом, но ключа в обычном месте не оказалось. Тимофеевна позвала его к себе, покормила и предложила переночевать у них. Но Мишка пошел домой.

Успокоившись, что Миша жив-здоров, отец решил, что утром он заведет мотоцикл и съездит в райцентр, за сыном. Поужинали. Катюшка уже уснула, а они все сидели в уютной кухне, говорили, обсуждали, строили планы, как дальше быть с Мишей. Роман вдруг признался:

- Ведь, знаешь, если бы не ты, я бы давно плюнул на все, руки бы опустил. Только твои терпение и доброта поддерживают меня. Я же вижу, как тебе трудно с ним. А ты и виду не подаешь. Спасибо, Варюша...

В двери неуверенно постучали. Роман шагнул в сени, за ним кинулась Варя. Щелкнула впотьмах задвижка, и в открытом проеме двери на фоне лунного освещения они увидели щуплую Мишкину фигурку. Варя ничего не успела сказать, как мальчик приник к ней и замер. Варя от радости и неожиданности тоже окаменела, а Роман, пошарив рукой по стене и найдя выключатель, почему-то раздумал включать свет...

...Жизнь постепенно налаживалась. Особенно радовало то, что здоровье мальчика окрепло, они перестали ездить по больницам. И внешне Миша изменился: поправился и подрос. В доме он стал первым помощником, много возился с сестренкой, и она платила ему большой преданностью, бегала везде за ним. Родители были всегда спокойны, если Катюшка была под присмотром Миши. После своего «визита» в Березовку Миша ни разу не заговорил о матери. Только однажды на сенокосе, отдыхая рядом с отцом на валке свежескошенной травы, он как-то неожиданно и по-взрослому горько сказал:

-Совсем мать пропала...

Что, сынок? - переспросил Роман.

- Я говорю, мать окончательно пропала. Спилась вместе со своим алкашом. Я ведь, когда ездил к ней, просидел на крыльце допоздна. А они оба не пришли, а приползли. Такие противные оба, смотреть тошно. Она спяну меня не заметила, а я ее такую видеть не захотел. Выскочил на шлях и пошел сюда, к вам. Думаю, буду идти всю ночь, все равно к рассвету приду... Да, спасибо, машина подобрала легковая.

У Романа тепло дрогнуло сердце. Растет сын, на глазах меняется. Куда делась обозленность, диковатость... Хороший мужичок растет. Добрый, отзывчивый, надежный.

К концу июньского дня усталые косари собрались домой. Ноги и руки Романа гудели от усталости. Миша, конечно, еще не косарь, но помогал отцу как мог и тоже за день утомился. Пока отец складывал косы, собирал сумку, переобувался, Миша куда-то исчез. Через несколько минут он вышел из-за кустов с букетом цветов. Это были ярко-розовые дикие мальвы. Миша еще днем приметил их, но срезал только сейчас, чтоб они не завяли раньше времени. Отец, сдерживая улыбку, сказал:

-Красотища-то какая! Кому это?

-Маме, - ответил Миша. - Она любит цветы, я знаю.

ДЫХАНИЕ ОСЕНИ

Осень щедро разукрасила старый ухоженный парк. Листва пестрела, как на живописной открытке, даже неестественными казались эти чистые и яркие краски. Но все было живым, теплым и ласковым. Безветрие, тишина, аромат увядания. Вызывающе нарядная пора. Торжество красок согревает душу, и даже упавший на скамейку лист кажется подарком. Хорошо здесь посидеть в одиночестве, подумать, повспоминать.

Анна Николаевна любила эту скамью с изогнутой спинкой, потому что от нее расходились несколько аллей и можно было видеть не только прохожих, но и само здание дома-интерната, где она жила последние полтора года. Незаметно они как-то прошли, да и жизнь промелькнула, как миг, хотя и нелегкой была. Но вспоминается почему-то лучшее, что было в прошлом. Муж ей достался хороший. До женитьбы хлебнул он жизни далеко не сладкой: из беспризорников в люди выбился, получил профессию, работал на заводе. И характером добрым отличался. Бывало, Анна скажет: «Ты, Гриша, всем уступаешь. Другие вон из глотки рвут, а ты уж больно мягкий. Сейчас нельзя быть таким». Он смущенно улыбнется и скажет: «Жизнь меня, Анюта, мяла. Крепко мяла. Оттого и мягкий».

Анна Николаевна работала швеей, была активисткой в профкоме. Но себе выслужить хорошую квартиру так и не смогла. Сначала жили в семейном общежитии, пока Антошка пошел в подготовительный класс, а уж когда родился второй сын, Павлик, им дали двухкомнатную квартиру в старом доме. Для них, людей неизбалованных, это было счастливое время.

Большого достатка в семье никогда не было, но жили не хуже соседей. Сыновья радовали прилежанием, хорошей учебой. Но Анну Николаевну огорчало, что они часто между собой не ладили. Старший был шумный и напористый, любил быть лидером и как-то подавлял Павлика, называл его рохлей и размазней. Младший и вправду был мечтательный, тихий и застенчивый, его обидеть было просто. Родители за него переживали, мол, будут из него веревки вить кому не лень.

Удар по семье был неожиданный и тяжелый. На заводе, где работал отец, случилась авария. Погибли двое, один из них - Григорий. Горе придавило Анну так, что она сразу постарела лет на десять. Сыновья тоже переживали потерю отца, но ей казалось, что они не испытывают того горя, какое навалилось на нее. В слезах, в мучительных внутренних упреках самой себе таяли ее душевные и физические силы. Ей теперь думалось, что мало она любила своего Гришу, не часто была ласкова, семья согревалась все больше его любовью. Теперь она все время припоминала, что и когда сделала для мужа не так, хотя знала, что любил он ее безоглядно, втайне гордился ею и никогда не обижался, если даже она была в чем-то не Права. Славный у нее был Гриша... так редко любят.

С уходом Григория жизнь в семье изменилась. Антон, закончив техникум, пошел на стройку. Как-то сразу заженухался и вскоре привел знакомить с матерью свою невесту. Аллочка была из обеспеченной семьи,

работала секретаршей в учреждении и была хороша собой. Анна приняла невесту сына приветливо и тепло, но Антону сказала, когда они остались наедине:

- Одного боюсь, сынок: красивая... Красивых любят все. Краса дарованная - краса балованная. Ну да ты у нас не хуже, как раз ей в пару.

После свадьбы в одной комнате жили молодые, а в другой, проходной, находились мать с младшим. Жизнь с приходом невестки сразу как-то не заладилась. Аллочка вела себя отчужденно и, если свекровь она просто терпела, то деверя возненавидела сразу же. Все в нем ее раздражало, особенно если он допускал какую-нибудь оплошность: то ботинки не там поставит, то дверь шумно закроет, то вечером долго свет в комнате не выключает. Ее недовольство видели все, но виду не показывали. Антон явно страдал, но вступить за брата не смел. Переменился он, заметно переменился. Куда девались его напористость, уверенность в себе, как-то подмяла сразу его жена, полностью овладела домом. Муж был перед ней покорный и безоружный.

А Павел вырос, окреп, но как-то незаметно стал отдаляться от семьи. То в турпоход с друзьями отправляется, то на какие-то соревнования, то с компанией к кому-то на дачу. Мать с тревогой стала замечать, что Павел частенько приходил с запахом спиртного. Пыталась поговорить с ним не раз, но тот отмахивался, отшучивался, уходил от разговоров. Аллочка его открыто ненавидела. А Пашке как шлея под хвост попала. Он будто бы нарочно бесил капризную невестку. Жизнь становилась невыносимой.

Однажды, когда Павел пришел за полночь навеселе, Анна Николаевна не стала дожидаться утра и зашумела на своего гуляку. Пьяный Пашка начал огрызаться. Дверь из спальни молодых с шумом распахнулась, и Аллочка в ночной сорочке оставила на Павла гневный взгляд.

- До каких пор это будет продолжаться? Ты же не один здесь живешь! Имей совесть!

- Идиот! – обернулась Аллочка к мужу. - Я так больше не могу жить. Или он, или я!

- Успокойся, дорогая, - пытался встрять Антон. - Все образуется.

Видя, что ссора набирает обороты, Анна Николаевна силой увела младшего сына на кухню, посадила на табурет, села напротив и взяла его руки в свои. Сразу протрезвевший Пашка слушал мать, не перебивая, не пытался оправдываться и не сказал ни одного дурного слова в адрес невестки. Потом он положил голову на материнские руки и сказал:

- Мне так тебя жалко, мама. Она тебя съест. Одна ты от нее не сумеешь отбиться.

-Одна? - почему-то спросила Анна Николаевна.

-Мам, прости, что не говорил тебе. Не хотел раньше времени расстраивать. Уезжаю я... Мы втроем уезжаем, Костя, Серега и я. На севере сейчас хорошо зарабатывают. Будем шоферить. Не пропадем. Надо как-то устраивать себе жизнь. Да и у вас без меня поспокойнее будет.

Мать заплакала. Но Павел был тверд в своем решении. Действительно,

скоро он с друзьями уехал. Писал в первое время часто, несколько раз присылал матери денежные переводы. В одном из писем сообщил, что женился, жену зовут Шурой, что у него все хорошо.

Потом письма стали приходить реже, а вскоре и совсем прекратились. Анна Николаевна переживала, но семейная жизнь не давала ей времени для раздумий и тревог. У Антона и Аллы было уже двое детей: семилетняя Леночка и годовалый крепыш Витек. Теперь в проходной комнате жили бабушка с Леночкой, бабушка спала на раскладушке, чтоб днем было просторнее. К тому же у Леночки обнаружился музыкальный слух, ее собирались отдать в музыкальную школу и копили деньги на пианино. А где его поставить, если не выбросить кровать? Бабушкину кровать выбросили.

Анна Николаевна часто вспоминала слова младшего сына: «Она тебя съест». Жизнь ее, действительно, была очень не сладкой. Домашние дела полностью лежали на ее плечах. Антон относился к ней неплохо, но только в отсутствие жены. При ней же он не смел проявлять к матери доброе отношение, все больше отмалчивался. Невестка по-прежнему была сварлива и бесцеремонна и на каждом шагу одергивала свекровь.

Внуки росли, бабушка старела, проблем в семье не уменьшалось. Теснота раздражала невестку, Антон умолял ее потерпеть еще немного, квартира была близка. Но потом случился полный обвал в квартирном вопросе, и жизнь стала совсем невыносимой.

Анна Николаевна через свою близкую подругу, у которой дочь занимала высокий пост в администрации, добилась места в доме для ветеранов. Когда она сообщила об этом за семейным ужином, Антон швырнул вилку на стол, резко поднялся и вышел из кухни. Аллочка вздернула брови, удивленно уставилась на свекровь, но не сумела скрыть мгновенные искорки радости в глазах. И только внучка, еще не поняв всей сути происходящего, но почуяв сердечком, что бабушка покинет их, шумно расплакалась. Витек продолжал спокойно пить из чашки вишневый кисель.

Новый дом Анны Николаевны был просторным, причем расположенный в красивом парке, вдали от шумных улиц и задымленных дорог. Комната на двоих была светлой и уютной, обслуживание хорошее. Соседка по комнате была очень приятной старушкой, бывшей учительницей, совершенно одинокой, тактичной и тонкой. Жили они дружно, заботясь друг о друге. Но когда в беседе что-то касалось сыновей Анны Николаевны, она замыкалась и переводила разговор на что-либо менее болезненное.

Однажды ей пришло письмо без обратного адреса. Но по почерку она сразу узнала руку Павла. Дрожащими пальцами она открыла конверт и сразу же по первым строчкам поняла: плохо все у сына. Из его не очень связного рассказа она узнала, что Павел теперь не на севере, а близко к дому, что живет один... «Видно Шура выгнала его, за пьянку, конечно же... Господи, что же ты, сынок, творишь со своей жизнью!» - роились мысли в голове матери.

В конце письма Павел писал, что чуть с ума не сошел, когда узнал, что она в доме престарелых, что скоро приедет и заберет ее к себе, что

зарабатывает хорошо, начальство его ценит и жилье есть. «Одна комнатенка, но на первое время нам с тобой, мама, сгодится», - читала мать, и буквы расплывались от набегавших слез. Этот конверт она теперь постоянно носила в кармане вязаного жилета и время от времени трогала его рукой.

Недавно к ней приходил Антон. Недолго посидел с матерью в фойе, отдал ей пакет с гостинцами, стыдливо оглядываясь на дежурную вахтершу. Анна Николаевна все расспрашивала про внуков, сын отмахнулся:

- Да все у нас нормально, мама. Вот пианино купили. Немножко подожди - отдадим тебе долг, твою долю.

- Зачем? - изумилась мать.

- Ну как же... Твоей пенсии в этом пианино много. Аллочка говорит: надо отдать.

- Рассчитаться со мной хочешь? - усмехнулась Анна Николаевна. - Пусть не волнуется, это мой подарок внучке. Да и денег ей таких не найти: я ей вон какого мужа подарила. Ты у меня бесценный.

Антон опустил голову.

Перебирая в памяти этот разговор с сыном, Анна Николаевна грустно смотрела на яркую осеннюю картину.

Тихая и ласковая осень баловала последним теплом. Она как будто задабривала природу, оправдывая неизбежную и скорую перемену своего дыхания. Как ни безмятежна чудная осенняя картина, она скоротечна. Придет ненастье, пойдут дожди, застучат по окнам капли, потекут по стеклу безутешными горькими слезами...

В глубине аллеи показался мужчина. Он почти бежал, озираясь по сторонам, как это делают, когда ищут кого-то. Сердце Анны Николаевны гулко заколотилось: к ней бежал Павел, ее младший... Она встала навстречу, и он бросился к ней. Обнялись, молча и нежно.

- Павлик, сынок, что же ты такой худой? Выглядишь неважно... Устал?

- С дороги, мама, с дороги...

Теперь мать пристальнее посмотрела на сына. Его нервная подвижность, усталое лицо, потрепанная одежда сказали ей, что живется ему очень не просто.

- Один живешь? С Шурой не виделся? Повинись, Паша, перед ней, она рада будет... ведь замучилась она с тобой, когда ты пил...

- Нет, мама, к Шуре я не вернусь. Раньше она меня выгнала, а теперь я и сам... - он замялся и умолк.

- Подумай, сынок. Был дом, была семья... Этим не бросаются. А Шура... Твоя беда, Паша, частая, не одна баба такое в своем доме пережила. Шура простит.

Павел вздохнул и отрицательно покачал головой. И вдруг его, как прорвало. Горячо и сбивчиво он рассказал матери, что сначала было все, как он ей писал: была работа, были деньги, была комната. Он старался избегать приятелей, собирался забрать мать из казенного дома. Но однажды был чей-то юбилей, его затащили. Он не помнит, что там произошло. Но вмиг он потерял все. Теперь вот уволенный, с документами, но без денег он перед

ней. Мать заплакала:

- Паша, Паша, как ты запутал свою жизнь...

- Сам запутал, сам и распутаю. Мне бы только за веревочку ухватиться...

Куда же ты теперь?

- А не знаю! Где-нибудь устроюсь. Можно грузчиком, истопником в кочегарку - зима близко. Не пропаду.

Анна Николаевна горестно вздохнула.

- Паша, Паша...

- Не жалей меня, мама. Я сам во всем виноват. А тебя мне жалко... - на его глазах навернулись слезы. - Без меня ты отсюда не выберешься. Но ты подожди немного, мама. Я лечиться буду, говорят, помогает. Жить буду - все сделаю, а заберу тебя к себе. Ты не веришь мне?

- Верю, сынок.

-Верь, мама. Иначе я совсем пропаду.

Потом он как-то спохватился. Вытащил из нагрудного кармана сверток, развернул перед матерью платок.

- Чуть не забыл! Я тебе подарок привез. Недорогой, но теплый.

Мать накинула платок на плечи:

- Теплый. И ко времени. Спасибо, Паша...

Павел обнял мать, резко повернулся и пошел от скамейки. Сделав несколько шагов, он оглянулся:

- Теперь я, мама, пошел.

- Паша! Возьми у меня денег. Павел отрицательно покачал головой.

- У тебя не возьму.

Анна Николаевна пошла к нему навстречу:

- Возьми, Паша! Мне они не нужны... а ты как же? У чужих берут... Ну, займы!

Павел нерешительно двинулся к ней:

- Разве что займы?... Я тебе отдам.

Анна Николаевна сунула ему в карман деньги. Обняла, поцеловала сына, потом провела ладонью по непокорным волосам:

- Отдашь, отдашь!

Она смотрела вслед Павлу, пока он не скрылся за стволами деревьев. Потом медленно побрела к высокому парадному крыльцу.

КОГДА ЦВЕЛИ САДЫ

В ДЕНЬ свадьбы Андрея и Надежды зацвели вишни. Свадебные машины мчались по улице вдоль скромных садиков возле домов. Вишневые деревья в садах и палисадниках были подернуты белой дымкой, нежной и чистой, как фата невесты. За фату и платье Надя не волновалась: все было - высший класс. Самое главное, чтоб все прошло как надо: не споткнуться, не опоздать ступить белой туфелькой на рушник, расстеленный на паркетном полу загса, не растеряться в ответах на вопросы строгой и величественной дамы, которая ведет обряд регистрации молодых... Да мало ли страхов у невесты?

Но все прошло замечательно. Андрей в своем строгом черном костюме, как и положено жениху, выглядел серьезным и взволнованным и постоянно нежно сжимал Надины тонкие пальчики. Гости веселились без устали, пели, танцевали, обменивались шутками. Шампанское стреляло и пенилось. Молодым то и дело кричали «Горько!» и Андрей надолго прикивал к любимым губам. Надины глаза блестели счастьем, а самая близкая подруга Ирина несколько раз обнимала их и щебетала: «Ой, Надька! Какая ты счастливая! Это же сказка!»

Молодожены сразу же зажили самостоятельно: Андреевы родители построили сыну дом еще до его женитьбы, так что свадьба и новоселье по сути дела произошли одновременно. Обживать новый дом было приятно и весело не только потому, что новобрачные новоселы были просто счастливы, но еще и потому, что медовый месяц был шумным, суматошным, озорным. Практически ежедневно у них появлялся кто-нибудь из друзей Андрея или подружек Нади. Это радовало молодых хозяев, особенно Надю. Ей хотелось всех приобщить к своей радости, ее грела мысль, что ее любят, в ней нуждаются, ее не забывают.

Чаще других приходила к ним Ирина. Несмотря на свою молодость, она была уже разведена. Что поделаешь - горький опыт скоропалительного брака в семнадцать лет. Но теперь в двадцать два года она была свободна, хороша собой, без детей, зато с поклонниками. Словом, она ничем не огорчалась и верила, что у нее все еще впереди.

Летние месяцы прошли так быстро, как могут промелькнуть добрые, безоблачные, счастливые. Серая дождливая осень также не омрачала настроение. Чаще всего вечера они проводили втроем. Конечно, Иринка, при ее-то достоинствах, могла бы, как она говорила, закадрить любого парня, но она свиданию с очередным поклонником предпочитала тихий вечерок в уютном доме своих друзей. Надя была рада приходу подруги, сама зазывала ее в гости, прельщая то приготовленной пищей, то новой бесподобной кассетой. Проводить время втроем стало привычкой. Надя была настолько чиста и доверчива, что спокойно оставляла мужа с подругой подолгу наедине: то к маме надо было сбегать, то портниха назначила примерку. Прибежит, а Андрей с Ириной уже ужин на стол собрали, ждут любимую жену и подругу. Идиллия, да и только!

Как-то несколько дней подряд Ирина не появлялась. И почему-то в доме произошла странная, непонятная перемена. Андрей неохотно разговаривал, садился в кресло и утыкался в газету. Однако чтение его не увлекало, он незаметно поглядывал на тихие ходики и вздыхал. Надя позвала его ужинать, он неохотно поел и снова молча уселся у телевизора. «Странно, - думала Надя. - Ведь у нас все так хорошо... Я его ничем не огорчила, все у нас благополучно - отчего же у него такое настроение?» И вдруг ей в голову как ударило: «Ирки нет!» Сразу вспомнилось, как радостно всегда происходили их встречи у двери: восклицания, звонкий поцелуй в щечку, шутливые вопросы и замечания. А тут...

Первое закравшееся подозрение отравило ей несколько дней. Надя ни о чем не могла больше думать, придирчиво вспоминала, как и что говорилось у них, когда они были втроем, почему на Андрюшин день рождения Ирина пришла такая нарядная и с таким подарком, что Наде стало неловко за свой довольно скромный поздравительный презент. А главное - почему сейчас, когда Ирка не появляется у них, Андрей даже вскользь ни разу не спросил жену: куда мол, подевалась твоя задушевная подруга?

Дней через десять муж пришел с работы оживленный, выложил на кухонный стол баночку дорогого кофе и плоскую коробку с вафельным тортом «Сюрприз», поцеловал жену и скороговоркой сказал: «Привет от Ирки. Придет сегодня». Надя почувствовала, как у нее загорелись уши.

Сумерки незаметно перешли в кромешную тьму, хотя вечер только начинался Андрей переоделся, вышел в коридор и включил свет на крыльце. «Смотри-ка, как заботится», - опять мелькнуло в Надиной голове.

Когда Ирина пришла, подруги встретились как ни в чем не бывало, будто они виделись только вчера и никаких вопросов друг к другу у них возникнуть не могло. Ира постоянно заглядывала в зеркало и поправляла свои пышные черные волосы. Они ниспадали ей на плечи, на спину и, казалось, ей очень мешали. Но это только казалось. Напротив, ей очень нравилось встряхивать головой, перебрасывая каскад волос с одного плеча на другое. Андрей суетливо помогал накрывать на стол, стараясь не смотреть на гостью, и уже очень оживленно рассказывал о веселом происшествии на своей работе. Надя мучительно думала, как ей воплотить свой замысел - ей хотелось устроить проверку супружеской верности.

- Андрюша, как хорошо, что ты купил именно этот торт, - сказала она мужу.

- А я знаю, что ты его любишь. Он ведь с орешками.

- И название у него красивое- «Сюрприз».

-Надь, а сахарница пустая.

- Ой! Вот разиня! Забыла купить. Сейчас быстренько сбегаю в дежурный магазин.

- Давай я сам схожу.

- Нет, нет. Я сама. Мне еще кое-что нужно купить. Я мигом...

Надя надернула плащик, сунула ноги в просторные калоши и вышла. Оставшись в коридоре, она прислонила ухо к двери и затаила дыхание.

Сердце гулко билось, где-то в горле перехватило дыхание. В ушах шумело, и она ничего не слышала. Ей показалось, что она стоит уже долго, хотя, наверное, не прошло и двух минут. Прямо в калошах она шагнула на порог комнаты. Андрей не успел отпрянуть от раскрасневшейся Ирины, которую он, прижав к простенку, целовал в губы. Он попросту не увидел сразу жену - не рассчитывая на такое скорое ее возвращение.

...Жизнь рухнула в одночасье. Вспоминая потом эту минуту, Надя спрашивала себя: куда же я раньше-то смотрела? Ведь были же звоночки, были... Пока я, дура, лелеяла нашу треугольную дружбу, у них уже были свои секреты, свои тайны. Правильно меня предупреждала мама: мудрая жена не станет оставлять мужа наедине с другою, даже просто, на всякий случай.

Андрей потом клялся и божился, что любит только Надю, а с Ирккой была шутка. Но сама Ирина цинично объяснила подруге:

- Ты, Надя, просто мужиков не знаешь. Они ж все кобели. Андрей твой тоже смотрит вслед каждой юбке. Ну а на меня он глаз положил еще летом. Ты сама виновата, больно доверчивая. А человек слаб, особенно мужчина.

Надя подняла глаза и, мучительно краснея и запинаясь, сказала:

- Ну а ты-то? Что ты все за него говоришь?.. Твоя-то совесть где? Разве я могла подумать... Ты же моя лучшая подруга... была.

Слезы обиды и оскорбленного чувства хлынули из ее глаз. Ирина, немного смутившись, снова нашлась:

- Ну что я поделаю, если он прилип, как муха на мед? Я ж не виновата, что красивая. Знаешь, как он маялся, когда мы оставались двое. Но потом не выдержал. Это же все равно, что положить перед ребенком всевозможных сладостей и запретить их есть...

Расстаться с мужем Надя не нашла в себе сил. Потянулась совсем иная жизнь, так не похожая на ту, что началась в пору цветения вишни. Пережитый шок не оставлял Надю в покое. Она старалась не упрекать Андрея, не напоминать о его предательстве, но внутри жил постоянный холодок обиды, появилось хроническое недоверие. Андрей старательно заглаживал свою вину, горячо уверял жену, что это была самая банальная интрижка. Ирка сама спровоцировала тот дурацкий поцелуй, однако Надя безошибочно чувствовала, что их отношения оказались куда глубже и серьезнее. «Лучшая подруга» больше не появлялась в их доме, но Надя не просто чувствовала, а всем нутром знала: они встречаются.

К концу зимы в молодой семье окончательно сложились ненормальные отношения. Он врал, изворачивался, она страдала молча. Думалось: переживу, пройдет все это. Не я первая не я последняя. Может быть, наладится жизнь. Но трещина в супружеских отношениях не только не исчезала, а, напротив, постепенно превращалась в пропасть. Ирина прислала бывшей подруге по почте письмо. Общий его тон был покаянный. Она винулась перед Надей, говорила, что совесть ее мучает, но... любовь превыше всего. Так и написала: «Если бы ты знала, как Андрей любит меня, ты бы не стала его удерживать. Тебя он просто жалеет. А любит он только меня. Это я

знаю точно!» Слова «любит» и «меня» были жирно подчеркнуты. Но самое главное было в конце письма: «Отдай мне его. У нас будет ребенок. Он боится сказать тебе об этом, но рано или поздно ему придется это сделать. Если ты у моего ребенка отнимешь отца, грех тебе не замолить никогда».

Расстались Надя и Андрей ровно через год после свадьбы, когда опять вишни в садах оделись в белый наряд. После того, как все вещи, принадлежащие Наде, разместили в кузове грузовика, свекровь, маленькая и болезненная женщина, обняла Надю и разрыдалась. Андрей нервно закурил и отвернулся к окну. Свекор в сердцах хлопнул дверью, вышел на крыльцо и грузно навалился на перила. Создавалось такое впечатление, что это Надя виновата во всем: она всех обидела, всем причинила боль и не хочет повиниться. И никто не знал, чего стоило молодой невестке внешне сдержанно и спокойно покидать этот обманчиво счастливый дом, оставлять Андрея вместе с соперницей, которая уже с гордостью и достоинством, как бы напоказ, носила округляющийся живот.

Только под родительским кровом Надя дала волю горьким слезам, мать плакала вместе с ней. А отец, обняв их обеих за плечи, сдержанно сказал:

-Бросьте реветь. Не стоит он ваших слез. Разве это мужик? Мотылек? Ты, дочка, подумай: было бы тебе лучше, если бы он жил с тобой, а думал про другую? Невольник - не богомольник. Не плачь... Будет у тебя еще все. Жизнь только начинается... А вот подружек себе задушевных больше не заводи...

КРУЖИТ ЖИЗНИ КАРУСЕЛЬ ...

В воскресный день можно себе позволить поваляться в постели, не схватываясь чуть свет, чтоб собрать девчонок в садик. А ещё приготовить что-то поесть перед работой, привести себя в божеский вид и бежать. Бежать, держа в одной руке сумку и ладошку шестилетней Маринки, а другой - крепко сжимать пухленькую ручонку четырёхлетней Аленки, такой вертушки, что, если не держать надёжно, то можно не заметить, как отцепится где-нибудь и застынет возле яркой витрины. Уже было такое, когда Анна не заметила, как младшенькая, тихонько вынув пальчики из маминой ладони, пошла за пушистой кошкой, которая невесть откуда взялась на дорожке. Хорошо, что мама спохватилась, вернулась. Но некогда было дочку уговаривать и рассыпать обещания. Итак, вся жизнь каруселью...

Трудно одной растить двоих детей. Не только потому, что материальной поддержки ниоткуда: родители старенькие, живут в отдаленной деревушке от центра, им самим помощь нужна. Бывшая свекровь только слезные письма присылает, а муженек после развода вообще сгинул где-то, алименты с него никак не взыщут. Три года Анна бьется как рыба об лед, но успевает везде: держит дом в порядке, обрабатывает свои шесть соток, благо, что хоть ездить недалеко. Придет с работы - и закружилась карусель: то убрать, то постирать, то заштопать, то законсервировать, то с дочерьми заняться. Маришка в сентябре в школу пойдет, надо подготовить ребенка, не надеяться на садик.

С середины лета девочки с особым нетерпением ожидали воскресений. Кок-то Анна пошла с ними в парк. Уж там-то они навизжались на размашистых качелях и нехотя уходили оттуда домой.

Пока девочки качались, Анна садилась на скамейку под старой липой и отдыхала, наслаждаясь редкими минутами покоя и уединения. Хотя какое может быть уединение в парке в воскресный день? Но когда рядом нет знакомых, нет необходимости поддерживать ничего не значащую беседу, можно вот так расслабиться и посидеть в душистой липовой тени. Редки эти минуты и коротки. Мысли снова возвращали молодую женщину к реалиям будничной жизни: много еще чего нужно купить Маринке - первокласснице к школе, маленькую нужно показать врачу: что-то на ушко жалуется. Надо бы съездить к родителям, проведать стариков.

Девочки с радостью дождались воскресенья и теребили маму с утра, боясь, что она откажет им в любимом развлечении:

-Мам, мы сегодня пойдём в парк?

Выбирайте одно из двух: или проведете час-другой на качелях, или поедём в деревню.

-Качаться! Качаться! - дружно закричали дочки, и мать улыбнулась, глядя на их веселые лица.

В парке в тот час было многолюдно. У качелей собралась очередь. Девочкам несколько минут на развлечения оказалось мало, и они попросили

ещё покачаться.

Анна стояла в ожидании, а они глядели, как мама пересчитывает рубли в своем кошельке.

- Все, девочки, мороженое вам не покупаю, у меня остались пара рублей лишь на хлеб, - сказала она.

Девочки захныкали.

- Перестаньте. Надо было не приставать со своими шарами. Покачались, и хватит, - продолжала Анна.

- Позвольте мне вмешаться, - раздался мужской голос.

Анна обернулась. Сзади стоял мужчина с двумя мальчиками-близнецами лет шести. - Простите, но таким милым барышням просто грешно отказать в удовольствии. Позвольте я им куплю лакомство.

-Да что вы! Где и как я смогу вернуть вам деньги? - смутилась Анна.

-В следующий раз привезем детей сюда и вы отдадите, если уж это для вас так важно.

Девчонки так просительно смотрели на маму, что Анна смирилась.

Пока дети катались, Анна и незнакомец присели на скамью. Разговорились. Александр Петрович работал в строительной организации, один воспитывал двойняшек. В эти края он приехал, когда полтора года тому назад овдовел. И все это время после смерти жены ему помогала сестра, которая живет недалеко и не имеет своей семьи.

О себе Анна ничего не сказала, кроме имени. Подошли дети, Анна поблагодарила и, попрощавшись, направилась к выходу из парка. Александр Петрович проводил их долгим взглядом, пока статная фигура женщины и розовые банты девчонок не скрылись за поворотом.

К следующему выходному дню расхворалась Аленка. У нее оказалось воспаление среднего уха. Анна лечила ее дома, а через день водила на процедуры. Три воскресенья подряд им не удалось побывать в парке. Только в конце августа девочки вновь пришли до своих качелей. Ещё издали Анна увидела мужскую фигуру с двумя совершенно одинаковыми мальчиками. Встретились, как хорошие знакомые, и пока дети вместе играли, они беседовали на знакомой скамейке под старой липой.

...Словно судьба свела их двоих, а в сущности шестерых. Анна сама удивлялась, как легко, не взвешивая и не раздумывая, она решилась сделать этот шаг. Вскоре у их четверых детей появились и папа, и мама. Сережа и Вова сразу же привязались к новоявленным сестренкам, а Анну полюбили за добрый нрав, тепло и ласку. Так молодая женщина стала многодетной матерью.

Жизнь пошла шумной, суматошной, быстротекущей, как их любимая карусель. Когда на свет появился их общий ребенок, белоголовый Антошка, - все знакомые говорили: «Ну теперь у вас полный комплект", семь человек — семь я. Можно остановиться».

По-прежнему родители с детьми любят гулять в летнюю пору по воскресеньям в парке. Но когда они бывают, заняты домашними делами, то дети пускаются на хитрость: подговаривают Антошку, чтоб тот выпрашивал

воскресное удовольствие. Тогда карапуз подходил к родителям и ныл:

- Хочу в палк на калусель!

И добивался своего.

Многие отдыхающие с нескрываемым любопытством наблюдали, как по парковой дорожке, испещренной солнечными пятнышками, двигалась трогательная процессия: впереди шли, взявшись за руки, две девочки и два мальчика, за ними шла симпатичная женщина. А рядом шагал гордый отец семейства, неся на руках белокурого крепыша.

НАТАША

В БОЛЬНИЧНОЙ палате всегда ее встречали радостно. Больным в общем-то все равно, кто поднесет им таблетку или померяет давление. А вот поди ж ты, когда Наташа приходила на дежурство, у всех как-то беспричинно поднималось настроение. Она не заигрывала, не подлаживалась под людей, не сюсюкала, как Людмила, и не рычала, как постоянно раздраженная старшая медсестра Варвара, а делал все ловко и доброжелательно. И всем как-то легко было с ней.

— Доброе утро всем! Дядя Вася, как сегодня спалось?.. Давайте я вам подушку взобью.

— Павел Петрович, я же вас просила не трогать повязку. Ну не беда, сейчас мы все поправим.

— А вам, дедушка Алеша, привет от внука. Сейчас с ним на перекрестке встретилась, помчался в школу. Сказал, что после уроков прибежит к вам.

— Осторожнее, Мишенька, не забывай, что у тебя термометр под мышкой...

Глядя вслед вышедшей из палаты фигурке в белом халате и колпаке, дядя Вася, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Золото, а не девка. Всех ей жалко, обо всех печется. "Как вы спали, дядя Вася?"... Ей это надо... А мои охламоны хоть и придут проведать, то ничем не поинтересуются. Сунут в руки кулек — и ходу. Некогда все им. У меня уже тумбочка забита, а кусок в горло не лезет. А им не втолкуешь. Они считают — главное кулек предоставить. А посидеть, поговорить, выслушать и в голову не придет... А эта пичуга как о родном отце переживает...

— Родному отцу она всю душу отдает. Ведь он уже третий год лежит парализованный. Я немного в курсе ее семейных дел — проговорил Павел Петрович, немолодой грузный мужчина с отечным лицом. — Пичуга... Да у этой пичуги столько силы, что диву даешься.

— А ты откуда про нее знаешь? — любопытствовал молодой парень, которого сестра ласково назвала Мишенькой.

— Как мне не знать? Мы с ее отцом столько лет в одном забое вкалывали... Силен мужик, ее батька. Трудяга, каких поискать. Портрет его до сих пор в аллее трудовой славы висит, хотя он уже больше двух лет не работает.

В палате помолчали, потом лежавший у окна старик Алексей Савельевич глубоко вздохнул:

— Да... Как несправедлива судьба людская! Сколько никчемных, пустячных и даже зловредных людей живут себе припеваючи, как у Христа за пазухой. Ни хвороб им, никаких других причин. А тут гляди-ка, как стоящий человек, так на него что-нибудь да свалится...

Наташа легкой походкой вошла снова, забрала термометры, открыла форточку, подошла к кровати дяди Васи, поправила одеяло и, ласково

улыбнувшись, сказала:

— На следующее дежурство приду — будем подниматься пробовать. А то залежался ты, дядя Вася. Будем двигаться полегонечку.

— Только с тобой, дочка. У тебя рука легкая. Дай Бог тебе жениха хорошего!

Наташа погрузневшими глазами взглянула на него и вышла. Хорошего жениха... Зачем искать лучшего, чем ее Валерий? Чем она так покорила этого красивого парня, она и сама не понимала. Что в ней такого особенного? Красивой не назовешь, обыкновенная... Правда, ей как-то говорили, что это редкость, когда волосы светлые, а брови и ресницы черные. И вправду, девчонки наводили брови и безмерно накладывали тушь на ресницы, а у нее они были черны от природы. Глаза были мамыны — зеленые. Наташа в детстве даже плакала, когда ей говорили, что зеленые глаза бывают только у кошек. А потом оказалось, что глаза-то у нее самые что ни на есть красивые, русалочьи; Но кто действительно тонул в ее зеленых омутах, так это Валерий.

Наташа себя нисколько не переоценивала: средняя внешность, среднее образование, средняя... А он, Валерий, конечно же, из элитных парней. Студент престижного института, эрудированный и общительный, душа молодежных тусовок. А про внешность уж и говорить не приходится. Когда началось их знакомство, Наташа простодушно сказала: "А ты здорово похож на Киркорова". Он засмеялся, и отведая "А меня друзья так и зовут — Филя".

Воспитанная в простой и доброй семье, Наташа к дружбе с парнем относилась ответственно и, как подумал сам Валерий, "патриархально". Ему нравилось, что Наташа открыта и чиста, искренна и строга. Когда они не виделись несколько дней, он замечал, что испытывает какой-то необъяснимый дискомфорт, напоминающий жажду в солнечный жаркий день, когда нет источника. И каждая новая встреча приносила ему высочайшую душевную радость. Он еще не хотел сам себе признаваться, что по-настоящему полюбил эту светлую, добрую "сестричку", как он шутливо ее называл.

Наталья же не проявляла никаких чувств, хотя, конечно же, ждала встреч, радовалась им и тревожилась. Как-то в голову приходило одно и то же: ну что он во мне нашел? Один сын у богатых родителей. Девчонки к нему липнут сами. Красивый же! А я что рядом с ним? Но когда она видела его горячие глаза, чувствовала, как бережно и нежно брал он в свои ладони ее руку, забывала о своей тревоге.

Своей сестре рассказывала все, как самой близкой подруге. Валя тоже не очень верила в его любовь и говорила: "Ой, Наташка, не такая ему нужна! Ой, гляди, не влипни!"

Когда Валерий впервые попал в дом Наташи, он увидел ухоженную трехкомнатную квартиру, обставленную хорошо, но, по его мнению, несколько старомодно. Знакомство с Наташиными родителями прошло вполне благополучно, хотя он волновался, предчувствуя эту встречу. Мать, приветливая и хлопотливая, даже цыкнула на Наташу, когда та на какую-то

фразу Валерия ответила непочтительно, а даже дерзко. А вот отец, которому Валерий пожал бессильную руку, как-то горько и отрешенно посмотрел на дочь. Она поймала его взгляд и нежно погладила его седеющий чуб...

В тот день Наташа дежурила с утра. Первая половина дежурства была хлопотной, и поэтому после обеда она с облегчением села за столик в коридоре, где обычно они вели необходимые записи. Санитарка Аня, курносая и смешливая девушка, приоткрыла дверь из вестибюля и негромко сказала:

— Наташа, тебя хочет видеть какая-то женщина...

— Сейчас выйду.

На крылечке отделения стояла незнакомая дама, одетая дорого и модно. Наташу она окинула холодным и оценивающим взглядом. Поздоровавшись, Наташа вопросительно посмотрела на незнакомку.

-Видите ли, милая, я прежде всего прошу наш разговор оставить втайне. Я мама Валерия... Я очень прошу вас, Наташа, оставить его в покое. Ему нужно серьезно учиться. А он сейчас поглощен только вами! Так недалеко и до разговора о женитьбе. Но в наши с отцом планы это не входит. Та кой мальчик, как наш сын — сейчас редкость, и я хорошо понимаю, почему вы в него так вцепились. Валерочку ждет блестящее будущее. А жениться на медсестре — это, простите, бездарно! Он только что вступает в жизнь, у него все впереди. А любовь к вам свяжет его на самом пороге жизненного успеха. Я понятно выражаюсь?

-Вполне.

-Я рада, что вы меняли. И надеюсь...

-Успокойтесь, ради Бога. Ваш Валера меня не интересует, — с трудом подчеркнуто сухо промолвила Наташа. — Живите спокойно. Я ему жизнь не испорчу. До свидания.

С этого дня Наташа настойчиво избегала встреч с Валерием. Перемена в ней поразила влюбленного. Он терялся в догадках, но никак не мог предположить, что всем этим он обязан своей матери. Наташа на его расспросы сказала только одно:

— Твои родители ищут не жену тебе, а богатство, знатность, положение в обществе. Будь у меня папа из "новых русских" или я из "крутых", то, возможно, прошла бы и я по конкурсу на роль невестки... Но, слава Богу, что у меня ничего этого нет. Но... зато у меня есть то, что я ценю больше всего в людях — человеческое достоинство. Так что останемся каждый при своих ценностях. Прощай!

Дома Наташа сказала родным: "Никогда меня нет дома для Валерия"... Действительно, нигде теперь не мог видеть он свою зеленоглазую сестричку, только, дождавшись конца ее дежурства, на расстоянии сопровождал ее до самого дома.

Сказать, что Наташа равнодушно отнеслась к прекращению дружбы с Валерием, было бы неправдой. Но здесь было не ущемленное женское самолюбие, а скорее оскорбленное чувство. Гордой девичьей души. Что они себе позволяют? Наша семья, видите ли, их не устраивает. Не те люди! Да

таких людей, как мои родители, вы в своем торгашеском кругу днем с огнем не сыщете! Плевать мне на ваши миллионы! Покупайте на них тех, кто подешевле!, А красавчика вашего мне даром не нужно...

Будни и праздники сменяли друг друга. Наташа несколько раз "отшила" Валерия, когда он пытался поговорить с ней. Тогда он решил действовать через Наташину сестру. Встретив Валю, как будто случайно, он сбивчиво начал говорить о Наташе.

— Да забудь ты ее, — горячо сказала Валя. — При твоих-то достоинствах горевать по нашей Наташке! Что, тебе девчат мало?

— Много... В одном институте больше десятка таких, что мне только свистнуть... Но не нужен мне никто! Понимаешь? Их много, а Наташа одна... Я сам не знал, что так люблю ее. — Голос его дрогнул и он натужно улыбнулся. — Пропал я...

В один из первых весенних дней, когда снег еще слепил глаза, но мартовские лучи пригревали крыши, Наташа' не спеша шла по улице. На душе было хорошо. В больнице прошел конкурс по профессии, и она была признана лучшей медсестрой наравне с двумя опытными, уже немолодыми коллегами. А еще на душе было тепло от робких, застенчивых взглядов, которыми встречал ее в палате Костя, симпатичный и молчаливый парень, недавно попавший в отделение прямо со стройки, где он работал прорабом. Наташа сама почему-то смущалась, встречая этот взгляд, и чувствовала, как таяло сердце... Наташа шла по улице и тихонько улыбалась своим мыслям. Вдруг она почувствовала чье-то прикосновение к своему плечу. Она оглянулась. Рядом с ней стояла мать Валерия. Наташа удивленно спросила:

— Что еще нужно вам?

— Наташенька, выслушай меня, умоляю тебя. Я знаю, что ты сердисься на меня. Но пойми, пойми... и прости меня... Ради Бога, девочка, выслушай меня. Только ты можешь помочь нам...

-Да что случилось?

-Случилось... Это давно случилось. Еще когда наш сын виделся с тобой. Мы с отцом надеялись, что он расстанется с тобой и забудет... Такую девочку ему подобрали! Все наши хлопоты пустые. Любит он только тебя. Вернись к нему, пожалуйста... пожалей ты нас.

-Я и так вас пожалела, ушла из жизни вашего сына.

-Не говори так... Я понимаю, что виновата перед тобой. За это и наказывает меня Бог!

-Да что произошло у вас?

-Валерик наш становится неузнаваемым. В институте забросил все дела. Дома ни с кем не разговаривает, раздражается по каждому пустяку. А самое страшное — выпивать начал. А выпьет — зло на нас срывает. Отцу уж и слова нельзя сказать. Прямо не семья, а дурдом... Мне сказал прямо в лицо: "Ты разбила мою жизнь!" Каково мне это слышать, как ты думаешь? — Последние слова она проговорила сквозь сдерживаемые рыдания.

Наташа вдруг почувствовала жалость к этой женщине, которая при их первой встрече была такая уверенная в себе, такая надменная, а теперь

поблекшая, глубоко несчастная умоляюще смотрела на нее.

— Успокойтесь, прошу вас. Я хотела бы помочь вам... и вашему сыну. Я не испытываю никаких враждебных чувств к нему... да и к вам тоже. Но что я могу сделать для вас? Притворяться я не умею. Я еще и сама не поняла, люблю ли я. Но если да, то это все равно не ваш сын. Простите за прямоту. Я благодарна Валерию за отношение ко мне. Но я не виновата в ваших семейных неурядицах. Я никогда ничем не обнадеживала его. Простите... Если есть в чем-то моя вина, то простите меня...

Женщина пристально посмотрела на Наташу. В ее взгляде скользнуло какое-то недоверие, смешанное с удивлением.

— Это ты прости нас, девочка. Может, прав мой муж. Он сказал: "Мы сами виноваты, что теряем сына". Но ведь каждая мать печется о благополучии своего дитя... И я...

Наташа остановила ее мягким жестом:

— Не казните себя. Говорят, что ни делается, все к лучшему. Пройдет все. Как говорят, образуется. Время — лучший лекарь. Все будет у вас хорошо. — Наташа замедлила шаги и сказала: — Мне в этот переулок. Прощайте.

Она пошла, не оглядываясь, но спиной чувствовала взгляд, которым провожала ее женщина. Взгляд удивленный и, наверное, теплый. Потому что холода ее спина не ощущала. А может быть это от мартовского солнца?

ОСТАЛСЯ СЕРЕЖА В ЧЕЧНЕ

Весна выдалась неласковая. Снег давно сошел, дороги высохли, а тепла не было. Постоянно дул холодный ветер, нес пыль. Погода ждала благодатного дождика. Но тучи собирались, клубились на горизонте и уходили куда-то.

Медленно подходил к концу день, один из предпасхальных дней, когда на кладбище народу было густо. Но, несмотря на многолюдье, было тихо. Не перекликались во весь голос привыкшие к повышенному тону бабы, не сдабривали крепкими словами свои суждения мужики. Такое уж это место, тихое, спокойное, умиротворенное. Каждый, кто пришел сюда, сосредоточенно работал над родными могилами: кто красил памятник, кто менял подгнивший крест, кто убирал сухую траву, присыпая бугорки могил черной землей и ярко-желтым песочком.

В ворота кладбища тихо, как тень, вошла сухощавая женщина, возраст которой определить было трудно. Лицо не старое, но пряди волос совершенно белые, как у старухи. Выплаканные глаза смотрели как-то отрешенно, как бы не видя ничего вокруг. Медленно прошла она мимо ряда оправленных могилок. Скользнула взглядом по дальнему углу кладбища. Работавшая граблями Наталья Куликова, заметив ее, положила грабли и подошла к ней.

- Здравствуй, Поля. Что идешь?

- Здравствуй. Вот пришла... Не могу дома места найти. Пойду, думаю, туда, может, полегчает...

- Полюшка, дорогая, не надрывай себе душу. Нету его могилки тут. Понимаешь? Нету, — и запричитала.

- Сложил твой сыночек головушку в чужой стороне. Лежат его косточки в проклятой чеченской земле...

Полина закрыла лицо руками. Подошли еще женщины. Вытирая слезы, стали уговаривать подругу, хорошо понимая, что испытывает мать, не имеющая возможности даже видеть сыновью могилу. Все они год назад пережили потрясение, когда в село пришла казенная бумага, извещающая Полину и Михаила Луневых, что их сын Сергей погиб в операции по «зачистке» зоны в Чечне. Полина тогда слегла и нескоро поднялась с постели. Ее мозг и сердце никак не могли смириться, что ее Серенька, ее вихрастый и непоседливый мальчик, никогда больше не переступит порог родного дома.

Все валилось у нее из рук. Окаменевшая, с застывшим взглядом, она подолгу сидела в комнате сына и безотчетно гладила рукой его вещи. Гитару, книги, магнитофон. Иногда она открывала дверцу шифоньера, где висела Сережкина одежда и, уткнувшись лицом в сыновний костюм, мучительно стонала. Ей казалось, что грудь разорвется от невыносимой боли. Слезы не приносили облегчения. Заходили родственники, подруги. Все говорили какие-то слова, чтобы утешить ее, но ей они казались пустыми, холодными,

ненужными. Она принимала соболезнования, благодарила за сочувствие, но кровоточащее сердце кричало: «Вы не знаете, как мне трудно! Я же никогда... никогда не увижу своего единственного сыночка... Как же жить теперь? Зачем жить?»

Отец тоже тяжело страдал, но он вынужден был скрывать слезы. Он боялся, что его слабость совсем добьет жену. Молча он делал все по дому, старался не оставлять Полину наедине.

Бессонными ночами смотрели они в темноту и думали об одном и том же: хоть бы могилку сына обнять, хоть бы смочить ее слезами. Где лежит их мальчик? В какой земле? А может быть, и могилки-то нет?

- Миша, я не хочу жить... Поверь, я бы с радостью приняла сейчас смерть, - призналась Полина мужу в одну из таких ночей. Михаил как будто ожидал этих слов, так сразу, быстро и горячо откликнулся.

- Ну ты подумай, Поля! Вы будете там вместе... А мне-то что же делать? Как я буду без вас обоих?

И прижав голову жены к своему плечу, вытирал шершавой ладонью ее слезы, он произнес прерывающимся шепотом:

- Терпи, голубонька моя... Не бросай меня. Вместе нам надо тащить это горе.

В тот весенний день Михаил ушел с работы сразу после обеда. В эти предпраздничные дни так томилась душа, что он даже не знал, что бы сделать такое, чтоб почувствовать облегчение. Он теперь хорошо понимал тех мужиков, которые спивались, чтоб забыться. Но позволить себе этого он никак не мог. Мысль о Полине постоянно сверлила его мозг, и сделать ей еще дополнительную боль он никогда бы не смог.

Домой идти не было сил. Он повернул в переулок, который выводил к уютной рощице за околицей. Там было сельское кладбище. Михаил шел туда с таким чувством, как будто там ждала его самая родная ему могила. Упасть бы возле нее на колени, прижаться щекой к недавно оттаявшей земле, сказать: «Сережа, сынок, это я...»

Он зашел на погост не с главных ворот, а через большую прореху в изгороди сбоку. Сразу же увидел хорошо оправленные могилы, свежевыкрашенные памятники и кресты, людей, сосредоточенно работающих возле последних пристанищ своих близких. Неподалеку почти в самом углу погоста он увидел заброшенную могилу. Наверное, на каждом кладбище бывают такие. К ним некому приходить, о них некому заботиться. Грустно смотрятся они среди свежих холмиков, украшенных пасхальными венками... Михаил подошел к ветхому кресту, погладил его рукой. Кто лежит здесь? Когда ушел из жизни? Почему никто не навещает к этому холмику? Вот так и сын мой... будет лежать далеко-далеко от родимого дома и никогда не дождетя, чтоб могильной земли коснулась родная рука.

Слезы сдавили ему горло. Он застонал и опустился на корточки возле ветхого креста. Машинально, чтоб утолить сердечную боль, начал обрывать сухую траву. Собрав в охапку, он отнес ее в канаву, достал складной ножик и взрыхлил им верхнюю часть земли. Черная влажная земля уже рассыпалась.

Он разгладил ее руками. Неподалеку был высыпан яркий оранжевый песок, который специально завезли к кладбищу, чтоб люди не тащили из дома. Песочком по черной поверхности Михаил сделал на могиле кайму, выровнял углы, посмотрел, как сделано на соседних могилах, и выложил оранжевый песочный крестик. Хорошо бы покрасить старенький, шершавый деревянный крест. Но Лунев пришел сюда с пустыми руками. Тогда он окинул взглядом тех, кто был поблизости. Недалеко красил гробницу Иван Михеев. Зимой схоронил он старуху-мать и теперь приводил все в порядок. Дождавшись, когда Иван завершит свою печальную работу, Михаил подошел к нему. Через минуту он уже красил крест на этой чужой могиле.

И странно, какое-то чувство облегчения постепенно приходило к нему. Вот, оказывается, чего просило его истомленное сердце! Он искал утешение своей душевной боли именно здесь. И что-то сдвинулось в нем, он почти физически ощутил, что весенние сумерки не давят на него так жестко. Он поднял голову и увидел, что дождевое облако нависло над его селом, готовое пролить первую весеннюю влагу.

Сделав все, как положено, Михаил постоял и тихонько пошел к кладбищенским воротам. Вдруг он увидел свою Полину. Она ходила вокруг чьей-то старой могилы и чуть-чуть поправляла уже сделанную ей работу. Михаил подошел и тихонько окликнул жену:

- Поля, чью ты могилку оправила?

Жена, как бы не удивившись появлению мужа здесь, подошла близко к нему и сказала:

- Не знаю, Миша. Она осталась одна, никому не нужная. Теперь я за ней буду ухаживать. Может быть... Может и Сережину кто-нибудь не бросит...

Михаил молча взял руку жены, и они пошли к воротам. Идти было трудно: узенькие тропинки петляли между холмиками и не позволяли идти рядом. Михаил, держа в широкой ладони руку жены, пошел вперед, ведя ее за собой, как ребенка.

Провожая их печальным взглядом, Наталья Куликова сказала:

- Гляньте, бабы, как Луневы-то постарели оба.

Что горе с людьми делает, - вздохнула Варвара.

- Да кого ж оно красит-то, горе? - печально откликнулась тетка Настасья.

И долго еще смотрели женщины вслед Луневым, пока они не скрылись за поворотом.

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Светлана Александровна стояла перед дочерью совершенно растерянная. Она даже не поверила, когда Лида сказала ей:

- Мама, я хочу тебя познакомить с ним. Думаю, что вам пора узнать друг друга.

- К чему эти смотрины? Я еще не собираюсь отдавать тебя замуж, - в голосе матери зазвенел металл. - Подумаешь, сокровище какое боишься потерять!

- Я не боюсь, мама. Потерять его я не смогу. Он очень любит меня...

- Ну, а ты?

- Если бы не любила, разве я заговорила бы с тобой о нем... Тебе никто из моих поклонников не нравился. В каждом ты видела своего врага. Но должен же настать день, когда у меня появится муж, а у тебя зять...

Мать обожгла Лиду взглядом;

- Да кто он, собственно, такой, чтоб претендовать на руку первой красавицы и редкой умницы?

- Ох, мама, - вздохнула дочь, - вечно ты меня превозносишь.

- Нет, ты не фыркай на меня, ты скажи: кто он такой? Бизнесмен? Обыкновенный технарь! Господи, да еще зовут Иваном. Хорошо, что отец твой не дожил до этого дня... - Светлана Александровна поднесла к глазам надушенный голубой платочек.

Лида вспыхнула:

- Папа бы меня понял! Он никогда не кичился своим положением.

Лида поняла, что она бросила в костёр ссоры охапку сухих прутьев. Отец был прекрасный семьянин. Он смог создать ей с матерью безбедную жизнь. Мать не работала, не ходила на службу ради куска хлеба. Но что она видела, кроме этой квартиры и несчастных «Жигулей»?

Светлана Александровна, как бы извиняясь перед покойным мужем, нажала на внутренний тормоз и обняв дочку за плечи, тихо зашелестела:

- Пойми, доченька, я ведь тебе только добра желаю. Ведь у тебя есть возможность устроиться...

- Не хочу я устраиваться, - перебила Лида. - Мне противно это слово. Я хочу жить рядом с любимым, а не устраиваться!

А иметь шикарный дом не хочется? А отдыхать на лучших пляжах не хочется? И все это тебе доступно. Сколько уже тебя добивается Георгий?

Вот и выходи за своего Георгия, - голос Лиды приобрел спокойствие и внутреннюю решимость. - А мне нужен только мой Иван. И если ты не хочешь даже с ним знакомиться, то я соберу чемодан и тихонько закрою за собой дверь.

Светлана Александровна внимательно посмотрела на дочь, поняла, что это не шантаж и не пустая угроза, глубоко вздохнула и опустила в кресло.

Знакомство состоялось. Несмотря на то, что Иван знал о позиции Светланы Александровны и потому был очень зажат, он произвел

благоприятное впечатление на будущую тещу. Высокий, широкоплечий, с густой русой шевелюрой и красивой улыбкой, он, конечно, ни в какое сравнение не шел с Георгием, с его наметившимся брюшком и просторными залысынами. В его манере держаться, говорить, в проявлениях чувств к Лиде виделись внутренняя чистота и какая-то надежность.

«Что ж, парень неплохой, но как отдать ему свою единственную радость?» - эта мысль сверлила голову матери. И она, чтобы сразу решить эту проблему, сказала:

- Женитесь. Но жить будете здесь. Такой квартиры вам еще долго не нажить. А мне одной здесь слишком просторно...

Но когда в доме появился третий, он оказался, как в той любимой детской игре лишний. Молодые жили душа в душу, были полностью поглощены друг другом. Их счастье было таким очевидным, - что это обижало Светлану Александровну, раздражало. Она по-прежнему ревновала свою дочь. К зятю она относилась равнодушно - холодно. Никогда не называла его по имени. Даже, когда Лида звала его Ванечкой, она криво улыбалась куда-то в сторону. Иван или не замечал этого, или делал вид, что не замечает. Он вообще старался как можно реже сталкиваться со Светланой Александровной: что ему теща - главное, Лидочка любит и ценит его.

Но обстановка постепенно накалялась. Однажды, когда Светлана Александровна в присутствии Ивана в разговоре с дочерью сказала «твой муж», Лида возмутилась:

- У моего мужа есть имя!

- Лида, успокойся, - проговорил Иван. - Для меня быть твоим мужем - огромное счастье. Так что титул «твой муж» - для меня и радость и гордость.

- Ну вот, видишь, дочка, он все делает, чтобы каждое мое слово прокомментировать!

- Нет, это уже невыносимо! - заплакала Лида. - Мама, я никогда не думала, что ты такая бессердечная! Ведь ты же съедаешь Ваню. Ты думаешь, я этого не вижу? Чего ты добиваешься? Ну уйдем мы из твоих хором, тебе что, полегчает?

- Да что я такого сказала? - недоумевала теща. - Я что, его обозвала?

Лида с Иваном молча ушли в свою комнату.

Иван все больше отмалчивался, уходил в себя. Однажды он вечером не пришел домой. Лида не знала, что и думать. Незаметно для матери она выходила на просторный и ухоженный балкон и вглядывалась в темноту. Что могло случиться с ним? Где он мог быть в выступали на глазах. Светлана Александровна то и дело выглядывала из своей спальни и спрашивала:

- Не появился? Теперь уже не жди, время за полночь.

- Мама, спи ради Бога, прошу тебя.

- А явится, - продолжала мать, - пусть объяснит свой хамский поступок. Не соизволил даже позвонить, где он и что с ним. Проучи его! Не разговаривай и не корми! Выдержи характер, - поучала Светлана Александровна. - Один раз простишь - всю жизнь промучаешься...

Лида постепенно настроилась на эту волну. В самом деле, что за

фокусы? Позвонить можно не только с работы, но из любого автомата, их на каждом углу. Значит, какая-то ложь закрадывается - в их отношения. Неужели уже повело на сторону? Господи, как же плохо на душе! Никогда так плохо не было...

Иван появился под утро. Тихонько открыл своим ключом дверь, бесшумно проскользнул в кухню и затих там на диванчике. Утром зашел к жене, которая одетая и причесанная сидела с гордым видом на краю постели. Он сказал: «Доброе утро, милая» хотел ее поцеловать, но Лида демонстративно отстранилась от него. Иван молча вышел из комнаты и отправился на работу.

Целые пять дней Лида с ним не разговаривала. А Иван не объяснял ей причину своего ночного отсутствия. Спали они в разных комнатах, питались врозь, в основном сухомыткой. Эти пять дней показались Лиде вечностью, ей так хотелось все выяснить и помириться с мужем, но мать бдительно следила, чтобы она не сделала шага первой и твердила: «Выдержи характер! Пусть помается».

Но Лида не выдержала и, когда Иван вечером на кухне жевал батон, она обняла его за плечи и прижалась щекой к его щеке. Наверное, от того, как муж притих от этой неожиданной ласки, у Лиды из глаз потекли слезы:

- Прости меня, Ваня... Прости за этот дурацкий бойкот.

Иван уткнул лицо в ее волосы:

- Я уже не знаю, кто перед кем виноват и кто у кого должен просить прощения. Это ты меня прости. Я просто упрямый осел...

- Но что же все-таки произошло? Где ты был? Почему не позвонил мне?

Иван рассказал, что после работы его попросил друг, с которым они вместе работали, перевезти на дачу холодильник. На обратном пути в отдаленном хуторе у них сломалась машина. Они попросили каких-то хозяев оставить у них «Жигули», затолкали машину во двор, а сами пешком возвращались домой.

- Но почему ты мне ничего не рассказал утром? - спросила жена.

- После того, как ты отшатнулась от меня, как от чумного? Прости, но я еще и обидчивый, и терпеть не могу оправдываться.

- Ну и, правда, фрукт ты у меня, - засмеялась Лида, и супруги горячо обнялись.

...Месяца через три Лида поняла: надо выбирать - или муж, или мама. Ей было очень трудно это сделать, но продолжать так напряженно жить под одной крышей было уже невыносимо. Когда она сообщила матери о своем решении, та пришла в истерику. Она рыдала, упрекала Лиду в эгоизме и неблагодарности, говорила, что никогда не переступит порога «вашего шалаша или где вы там будете жить».

Материнская ревность, придирчивая опека, мелочное покровительство так отравляли жизнь молодых, что даже неблагоустроенная квартира не огорчала их. Каждую минуту их жизни они были единое целое. Одно только омрачало счастливую пару: Светлана Александровна не приходила, не

звонила, хотя - очень страдала.

За то время, пока она оставалась одна в своей шикарной квартире, сколько раз навещали ее мысли о том, что произошло с ними и почему. Постепенно мать приходила к тому, что нужно смириться, что у дочери своя жизнь. Ревновать ее к мужу просто нелепо. Чего она добилась? Осталась одна, обидела самых близких людей. Потеряла их...

Так изо дня в день Светлана Александровна готовила себя к тому, на что однажды решилась. Собравшись очень продуманно и тщательно, заготовив нужные слова, она открыла дверь на лестничную площадку своей квартиры. В эту минуту раздвинулась дверь лифта и из него шагнули Лида с Иваном. Остолбеневшая Светлана Александровна только и вымолвила: «Господи...». Лида обняла мать и поцеловала ее увлажнившиеся глаза. Иван, улыбаясь, смотрел на взволнованных женщин.

- Господи, как же я соскучилась!

- А ты думаешь, мы не соскучились? На расстоянии роднее.

С этого дня все трое забыли о том, что мешало им жить под одной крышей. Ушла ревность. Тещу перестал раздражать Иван. Теперь она звала его исключительно Ваней. А уж когда появился на свет первенец молодых, то бабушка просто млела от счастья, когда брала его на руки. Как-то, вроде невзначай, она проронила:

- Чего бы вам не вернуться? Снова жить под одной крышей... Какой простор у меня да и удобства.

Дочь так же без нажима сказала:

- Нет, мама, теперь уж точно мы не потеряем свою свободу. Не обижайся, но зачем экспериментировать? Я просто уверена, что наши добрые отношения испортятся с большей легкостью. Даже в просторной квартире нам было тесно. Как в той пословице: «Вместе тесно... - а врозь скучно», - горько вздохнула мать.

СВАДЬБА

Свадьба была весной, на Красную Горку. Многолюдная, шумная, весёлая. Широкий двор Сомовых был уставлен столами, ломившимися от угощений. Уже все столы заняли гости, а в калитку всё входили и входили парни и девушки, смущаясь, искали свободные места, не находя таких, смешливо пырסקали и продвигались к части двора за домом, где под расцветающими вишнями спешно ставили дополнительные столы и накрывали запасными клеёнками.

Мать жениха, небольшая, ухватливая, но всегда недовольная баба, притворно охала:

-Господи, да когда ж они закончатся? Всё идут и идут. Чи весь колхоз к нам нагрязнул?

Она была близка к истине: колхоз не колхоз, а молодёжь из трёх сёл почти вся была приглашена на свадьбу. И жених, и невеста были видными, знали их многие, со многими они были дружны. Но, наверное, не в этом дело. Мода такая пошла по нашим сёлам: хоть свадьба, хоть проводы, хоть крестины-именины - народу чтоб было как можно больше. Даже какое-то странное негласное состязание возникло. Вот у Михайловых на свадьбе было двести человек, а Горшковы их переплюнули: почти триста человек напоили, накормили. Что же следующим-то делать? Так и пошли такие многолюдные свадьбы, горластые, бестолковые, с эстрадными ансамблями, с заезжими баянистами-певцами. Гости щедро дарили, много пили, обильно ели, громко и нестройно орали песни и плясали до рубах, прилипших к мокрым лопаткам. Ну, что ж, свадьба - событие большое, раз в жизни можно себе позволить.

Вот и Павел считал, что его свадьба должна быть такой, чтоб долго о ней говорили в селе, чтоб запомнилась. Он рассеянно слушал слова поздравлений, улыбался на игривые, а порой непристойные тосты и охотно привлекал к себе Марину, чтоб на ликующие «Горько!» приникнуть к таким сладким губам любимой. Это был его звёздный час. Он так неистово добивался этого события в своей жизни, что ему самому почти не верилось, что вот оно совершилось: любимая рядом, насовсем, навсегда.

Марина, всегда такая весёлая, озорная и строптивая, надев свадебный наряд, вдруг почувствовала горькое, щемящее чувство, которое не испытывала раньше. Среднее между покорной обречённостью и жалостью к себе. А может быть, это была терпкая горечь вины, искупить которую уже невозможно... Почему вместо радости, счастливого оживления, ликования, так пусто на душе? Никому, даже самой близкой подруге Галке, не говорила она, что любовь её к Володьке Гордееву не только не угасла в сердце, но напротив, разгорелась таким страшным внутренним костром, что пожар мог вспыхнуть и вырваться наружу в любой момент.

После того, как Пашка, красивый и самоуверенный парень, положил на

неё глаз, она сразу заметила, что в кругу её подружек появился холодок, говорящий о том, что сердечная склонность к Марине первого на селе парня не осталась незамеченной сельскими острыми на язык девчатами. Марина старалась держаться подальше от разбитного Павла. Ведь скоро-скоро она должна встретить своего Володю, он дослуживал последние месяцы. Писал нежные, шуточные письма, торопил время, надеясь на скорую встречу.

И вдруг Марина получает от него письмо, облившее её холодом. В нём не было привычно ласкового обращения: «Милая моя Маришатка, солнышко моё», а были ледяные слова: «обманщица»! Не стоило верить тебе. Я не могу спать ночами, так и вижу, как этот гад целует тебя... Не оправдывайся! Я этого не прошу!»

Марина, получив письмо, поняла, что кто-то из сердобольных подружек написал ложь в армию. Это действительно была наглая ложь. Потому что Пашка не только ни разу не целовал её, но даже и не добивался, чтоб она вышла к нему, хотя сколько вечеров стоял возле её палисадника, бросая тугие комочки снега в окно её комнаты. А по утрам она из окошка видела круг снега, вытоптанного сапогами настойчивого влюбленного.

Оскорблённая письмом своего солдата, Марина в тот же вечер позволила Павлу проводить её из клуба. Как Володька посмел усомниться в ней! Как он поверил кому-то, даже не попытался выяснить, виновата ли в чём его невеста! Ах, так! Ну и ладно! Если уж я получила от тебя оплеху, так пусть она хоть будет заслуженной! Горячая волна обиды накрыла все остальные чувства в девичьем сердце. Подчёркнуто и демонстративно ушла она из клуба рядом с Пашкой, который от радости не мог погасить счастливой глуповатой улыбки.

А на следующий день всё село заговорило о её измене. И теперь Марина поняла, какую страшную ошибку она совершила. Теперь уж никто не поверит, что никакой измены не было, что она по-прежнему любит и ждёт своего солдата. А Павел, опьянённый своей любовью, не очень-то был озабочен, кого любит его избранница. Прохлада и скованность в отношении девушки к нему не пугали его. Он знал, что добьётся своего, чего бы это ему не стоило. Чтоб он, по ком девки сохнут, не покорила гордую Марину? Его ухаживания были открыты и настойчивы. И вот напористый и самоуверенный ухажёр объявил Марине, что в конце недели к ним придут сваты. Марина скинула на него глаза, но сказать ничего не смогла. Пашка рывком привлёк её к себе и закрыл ей рот долгим поцелуем.

И вот свадьба, её свадьба. Но она почему-то чувствовала себя на каком-то чужом празднике. Галка, которая, конечно же, была свидетельницей невесты, выбрала момент, когда Павла кто-то отвлек на минутку, шепнула на ухо невесте:

-Марина, а ведь Володька сегодня вернулся. Мама утром бегала за чем-то к Гордеевым, видела встречу. Говорит, Володька со станции на попутке приехал. Он на порог, а Гордеиха прямо заголосила: «Ох, сыночек, в какой же ты денёк несчастный вернулся! У неё же нынче свадьба...» Господи, да ты чего так побледнела?

Марина опустила глаза и её пальцы начали машинально перебирать складки нарядной скатерти. Чувства её смешались: то, что бередило её душу, застучало в голове больно и неотступно. Она в душе проклинала себя. Зачем, зачем эта свадьба? Почему она не оттолкнула Павла, когда он закрыл её рот поцелуем? Ведь она и тогда хорошо знала, что не любит его. Его чужие губы показались ей жёсткими, настырными. Совсем не то, что было с Володей. Зачем она пошла рядом с Павлом в тот проклятый зимний вечер? Ведь она хотела просто утолить свою обиду на Володю: ведь он оскорбил её своим недоверием. И вот она - расплата за собственное легкомыслие. Сидит в свадебной фате рядом с тем, к кому сердце равнодушно. «Боже, кого же я наказала? А вдруг и Володе так же больно как и мне? Что я наделала? Зачем это? Но поздно -поздно...»

Свадьба была в разгаре. Голоса разговаривающих и поющих тонули в оглушительном громыании местного эстрадного ансамбля. Марина устало смотрела на пёструю толпу танцующих и ничего не видела. Она только помнит, что в толкучке танцующих произошёл какой-то сбой. Одновременно она ощутила боль в пальцах руки, которую сильно сжал жених. Ничего не понимая, она взглянула на Павла. Проследив за его взглядом, она вдруг увидела Володины горячие глаза, которые смотрели прямо на неё. Марина ничего не успела подумать, как солдат, обходя танцующих, приблизился к молодым. Наблюдавшие любопытные видели, что он сказал что-то Марине. Никто ничего не расслышал. Да и никто и не слушал: свадебный шум не так просто остановить, каждый веселился на свой лад. Зато многие видели, как Владимир из кармана вынул какую-то малиновую коробочку, снял бумажный колпак с ярко-красных тюльпанов и протянул всё это любимой. Затем он как-то неловко повернулся и, никого не видя, точно во сне, вышел в калитку.

Марина не чувствовала, как её глаза наполнялись слезами. Помрачневший Павел, стараясь, чтоб никто не заметил невестиного смятения, зажал её руку в свою вспотевшую ладонь и повёл Марину по тропинке, ведущей в сад.

Долго ещё шумела свадьба. Песни, весёлый смех, топот пляшущих ног разносились по всей округе.

«И эти розы красные
К помолвке приурочены,
Но двери заколочены

В заброшенной таверне,» - пела с магнитофона Лайма, и ей подпевала танцующая хмельная молодёжь. Нестройные бесшабашные голоса ещё не раз кричали «Горько!».

И только по-настоящему горько было двум юным сердцам. Ах, как горько!

УЖИН ПРИ СВЕЧАХ

-Мам, ты меня никогда не поймешь. Мы, ну прямо как на разных языках говорим, честное слово.

-Ну отчего же? Язык-то один. Слова все те же. Да вот понимание этих слов у нас не совпадает... Что правда, то правда, - вздохнула Екатерина Васильевна.

Вика обиженно поджала губы:

-Где уж нам выйти замуж. Еще скажи, что, мол, выросла да ума не вынесла. Слава богу, какая ни есть, а свой ум, чужим не живу.

-Ну вот, опять ты в пузырь полезла. Чего ради? Опять поссоримся? Я просто говорю тебе: не надо никому завидовать. Самая гадкая штука эта зависть. Вот тебе кажется, что твоя подруга Наташка поймала за хвост жарптицу. Как же! Выйдет замуж за «нового русского». Богатой будет! Уже подсчитывает, куда и сколько она потратит.

Мать отодвинула эмалированный тазик с темной вишней, из которой она шпилькой для волос ловко извлекала косточки. Ополоснула руки и вытерла их мягким полинявшим передником.

- Разве богатство - это гарантия счастья? - продолжала она. - Вот когда я выходила замуж за твоего отца, я даже не знала, сколько он получает.

Вика насмешливо прищурила глаза и то ли в шутку, то ли всерьез сказала:

- Ну и зря! Знала бы, что будешь всю жизнь концы с концами сводить, может быть, и подумала бы, выходить за него или нет.

Екатерину Васильевну это задело и она спросила:

- Тебе не стыдно говорить такое?

- А не стыдно из года в год считать копейки и отказывать себе даже в маленьких радостях? - вспыхнула дочь.

Не в первый раз между матерью и дочерью возникали подобные разговоры, которые огорчали Екатерину Васильевну и настораживали. Да, пришло время, когда дочка начала задумываться, как лучше устроить свою жизнь... А когда еще задумываться, как не в этом возрасте? Вика училась в университете, училась успешно, без серых «удочек» в зачетной книжке. Хорошие студенты редко бывают пассивными, как, впрочем, и школьники, в этом Екатерина Васильевна была убеждена, проработав в школе больше двух десятков лет.

Вика была живой, активной, пользовалась уважением среди сверстников. Привлекала она не столько строгими серыми глазами и безукоризненной фигурой, сколько открытостью, приятной простотой и не всем приятной прямоотой, которую некоторые принимали за бестактность. На факультете долго смеялись над тем, как она отшила одного преподавателя, пожилого ловеласа, который увидел в ней нечто, что тешило его надежды на будущий роман. Когда он витиевато, но достаточно прозрачно в присутствии ее подруги стал приглашать ее прокатиться на речной «Ракете» до его шикарной дачи, чтобы полюбоваться неотразимыми пейзажами, то Вика с

притворной наивностью спросила его:

-Это что же? Ваш шанс тряхнуть стариной?.

Она сама поняла солоноватость своей шутки, но расхохоталась так искренне, что старый ухажер смутился, смертельно обиделся и... прекратил ухаживания. А благодаря болтливости подружки, это стало известно на всем факультете.

В Вику был влюблен парень-однокурсник. Так себе, ничего особенного. Но многим девчонкам он нравился не только потому что был старше. Просто он ни к кому не подлаживался, все свои проблемы решал сам. И мало кто знал, что учится он на скудную стипендию да на деньги, которые зарабатывал. Зарабатывал на самых разных тяжелых физических работах по выходным, иногда ночами. Платили за труд не так уж щедро, но зато сразу. Подрабатывали и некоторые другие парни, но ими двигали другие мотивы: нужны деньги на модные шмотки, на пикник, на дорогой концерт. Костя же просто жил на свои заработанные рубли, потому что помощи ему ждать было не от кого. Он был детдомовец. Одевался, как мог, но хуже других не выглядел, всегда был подтянут и аккуратен.

Вика ему нравилась уже давно, а с того дня, когда им пришлось вместе с другими ребятами и девушками готовить большой праздничный вечер на факультете, он почувствовал, что без ума от этой живой, непосредственной и обаятельной девушки. Но надежд на взаимность у Кости было мало. Она городская, вся из себя, к тому же озорная и насмешливая.

Совсем он ей не пара.

А Вика себе пару присматривала совсем в другом окружении. Это был круг ее школьной подружки, которая после каких-то курсов устроилась секретаршей в солидном офисе.

Вика понимала, что она не оригинальна в поисках богатого жениха, но блеск и роскошь, особенно когда ты от них далека, влекут и очаровывают. Подругу в ее кругу звали на французский манер Натали, и когда Вика по школьной привычке называла ее Наташкой та недовольно морщилась. Натали тоже была из простой семьи, но очень любила наряжаться и частенько просила у подружек модные вещички, чтобы денек - другой пофорсить в них на работе. Она умела производить впечатление на мужчин загадочной улыбкой и каким-то особенным воркующим голосом.

Однажды она пригласила Вику на свой день рождения, предупредив, однако, что компания соберется не у нее дома, а у одного из ее покровителей:

-Знаешь, не могу же я пригласить таких людей в нашу хрущобу... Будет узкий круг. Вот там и постреляем глазками. Глядишь, кого-нибудь и зацепим.

-Ой, Наташка, никакой стрельбы я не хочу, но любопытно посмотреть этот званый вечер при свечах.

Попав в круг «крутой» молодежи, Вика вдруг ощутила себя такой затерянной, такой приниженной, что даже не пыталась с кем-нибудь заговорить. Ей все было чуждо здесь. Разговоры, откровенные взгляды, снисходительная манера держаться, стиль отношений

- Ей все ей было внове. Натали в чужом вечернем платье шепнула

Вике, указывая

глазами на здорового и упитанного парня:

- Как бы мне, рябине, к дубу перебраться...

Вика тут же отреагировала:

- Златая цепь на дубе том.

Натали засмеялась: действительно, на мощной шее молодого бизнесмена была массивная золотая цепочка.

Количество выпитых рюмок и фужеров росло, атмосфера становилась опасной. Раскованность и бесцеремонность достигала апогея. Вику все это раздражало и пугало. Она решила потихоньку исчезнуть, но возле нее постоянно топтался длинный белобрысый тип. Но вот один из самых главных «дубов» встал в позу выступающего на трибуне и произнес тоном, каким выкрикивали лозунги на первомайских демонстрациях:

-Юноши и девушки! Овладевайте друг другом!

Все громко заржали, а белобрысый, хлопнув потными ладонями, подошел к выключателю и погасил верхнюю люстру, оставив одиноко горящую свечу на высоком резном столике. В это мгновение Вика выскользнула в просторный коридор и через полминуты уже выпорхнула из лифта, как из надоевшей клетки.

Как хорошо было вернуться в чистый уютный дом, где мама сидела за стопкой ученических тетрадок, а папа, расположившись на кухне, ремонтировал уже вышедший из моды магнитофон.

Вика прильнула к маминому плечу и Екатерина Васильевна почувствовала, что у дочери на душе как-то слякотно.

- Ну что, доченька, как день рождения? Что-то ты не задержалась там?

-Мам, я не сумею, наверное, передать, что я чувствую... Знаешь, когда мы с тобой говорим, мне зачастую твои нравоучения кажутся смешными. Не обижайся мама, но... как бы это сказать: вы другое поколение. В силу воспитания у вас были...

-Другие ценности? Ты права. У нас в молодости на первом плане были любовь, талант, ум, порядочность, верность... Да что угодно, только не материальный интерес.

-Но разве это плохо быть обеспеченным человеком? - возразила Вика.

- Подожди, я не закончила мысль. Я хочу сказать, что эти ценности вечны. Как бы вы, нынешние, ни увлекались стремлением «делать деньги» любым путем, эти ценности остаются главными.

Вика задумалась и тихо сказала:

- Знаешь, мама, мне близко то, что ты говоришь. Но все-таки хочется, чтобы не ошибиться, чтоб семья была крепкая.

Екатерина Васильевна взяла руку дочери в свои ладони и внимательно посмотрела ей в лицо:

- Союз двоих распадается, когда нет любви, доверия, близости, а не когда мало денег. Ты, Вика, хочешь замуж за богатого. Хотеть, как говорится, не вредно, но если ты на этом заклинишься, ты можешь сильно просчитаться. Просто не заметишь или не захочешь заметить, с каким

человеком связываешь судьбу. К тому же наследных принцев у нас нет. А «новые русские» часто разоряются в одну минуту. И вообще, почему вы, нынешние девчонки, так западаете на богатство? Не нравится себя ограничивать? Так стройте свое будущее так, чтоб самим хорошо зарабатывать. Это надежнее богатого супруга.

...Очередную годовщину своей свадьбы с Костей Вика решила отметить очень скромно вдвоем с мужем. Машеньку на два дня забрали к себе дедушка и бабушка. И так, вечер на двоих... Это так романтично. Пока Костя не вернулся с работы. Вика тщательно убрала свою небольшую квартиру, отключила телефон, задернула шторы. В этот вечер они будут принадлежать только друг другу...

Чтобы было уютнее, Вика зажгла свечи и включила негромкую музыку - любимый Костин романс. На стол постелила красивую скатерть, положила нарядные салфетки. Ах, чего-то не хватает... Да, скромный букетик полевых цветов был бы очень кстати. Угощение скромное, приготовленное своими руками, но все то, что они любят: салат «мимоза», запеченная рыба и горячие ватрушки с творогом. Потом Вика надела свое любимое платье. Красиво убрала волосы и подумала, что бы выбрать из своих скромных украшений.

Звонок в дверь. Вика радостно побежала открывать. В дверях стояла Натали. взглянув на нее, Ника сразу поняла что это не праздный визит: что-то у Наташки случилось. С порога подруга разрыдалась и сразу же начала жаловаться на свою несчастную жизнь:

- Поверь мне, я живу не с человеком, а с какой-то машиной, даже не с машиной, а статуей. Не понимаю, зачем он только на мне женился? Пришел, поел, лег на диван. Все. Все! Никакого на меня внимания. Подала - убрала, встретила-проводила. Сижу дома, работать мне не разрешает. Никого в своем доме видеть не желает. Мама не смеет к нам прийти. Только по телефону с ней общаемся. Представляешь? Меня он не слышит. Просто не слышит. Я так разозлилась, что запустила в него чашкой. Промахнулась, правда... А он посмотрел на меня совиными глазами и опять уткнулся в записную книжку. Все что-то подсчитывает.

Вика осторожно спросила:

-Может, у него кто-то на стороне есть? Не замечала ничего такого?

-Господи! Да никто ему не нужен, говорю же тебе! Он на своих прибылях помешался... Только и знает про долларовые вклады. Ой, Вика, как тяжело, оказывается, быть богатой!

Вика хотела утешить подругу, чем-то ее успокоить, но тут звякнули ключи от входной двери. В комнату вошел Костя. В одной руке он держал какую-то нарядную коробку, а другой протягивал своей любимой свежий букет ромашек. Пряча от подруги счастливые глаза, Вика сказала:

- Прошу вас к столу. У меня сегодня ужин при свечах. Я готовила его на троих.

ХОЛОДНЫЙ ДОМ

И все же Таня решила ехать домой. Конечно, нужно было отправляться еще вчера после занятий, последним рейсом автобуса. Но вчера она еще колебалась: может удастся как-то дотянуть до стипендии, обойтись без помощи из дома, не просить денег у отца и мачехи. Нет, не выжить еще десять дней. Продукты кончились, обувь совсем вышла из строя, появились денежные долги, правда, мелкие, но все же. Поесть хоть раз в день нужно, да и последние колготки поползли окончательно. Придется ехать... Приняв это решение, Таня легла на свою кровать в опустевшей комнате общежития - девчонки разъехались по домам, - укрылась казенным одеялом и закрыла глаза. Надо бы скорее уснуть: рано утром бежать на автовокзал. Но сон не приходил. Одолевали мысли. В основном об отце...

Когда маму похоронили и после поминок все разошлись, Таня, обессиленная слезами, упала на диван, уткнувшись лицом в подушку. Отец присел рядом, положил ладонь на голову дочери и сказал:

- Слезами горю не поможешь, доча. Маму не поднять... Надо привыкать нам к этому. Ты у меня одна. И я у тебя один. Будем жить друг для друга. Я тебе буду и за папу, и за маму...

Антон Иванович хотел утешить дочку, но вместо этого разрыдался так, что Таня испугалась, ей было жутко от этих сдерживаемых мужских рыданий. Но своим чутким детским сердцем она понимала, что отец, сдерживаясь при людях, дал волю своим чувствам, они требовали своего выхода, рвались наружу, и остановить этот горький и страшный поток не было никаких сил. Обняв отца, дочка прижалась к его колючей щеке, и общие слезы объединили их в самые черные минуты судьбы...

Два года Антон Иванович был Тане, как и обещал, и за папу, и за маму. Заботился как мог. Домашние дела делили между собой, но Таня понимала, что многое из того, что ей было под силу, отец брал на себя, и она старалась помогать ему во всем. Готовить научилась не хуже покойной мамы, дом держала в порядке. Корову, правда, сбыли. Таня доить ее научилась, но подниматься чуть свет, чтоб подоить и отправить в стадо буренку, ей было трудно. Антон Иванович попробовал сам, потом плюнул и решил: обойдемся, все равно через год дочка уедет учиться в областной центр. А самому ему зачем она?

Когда Таня заканчивала одиннадцатый класс, Антон Иванович женился. Жену ему подыскали родственники. Она была в разводе, лет на пять старше Антона Ивановича, жила в райцентре в однокомнатной квартире. Был у нее сын от второго мужа, но после армии он домой не вернулся, завел семью там, где служил, и приезжал к матери всего два раза за все эти годы. Ксения Петровна обижалась на сына, писала ему письма с упреками, но потом, узнав, что у нее родилась внучка, решила: ну что ж, пусть сын живет своей жизнью. А ей надо подумать о своей. Крест на себе ставить еще рано. Женщина она из себя видная, к тому же хозяйственная, не какая-нибудь там пустельга, а копеечка к копеечке.

Антон Иванович понравился ей сразу. Немногословный, работающий и самое главное непьющий. Это же находка по нынешним временам. А что Таня дичится, так это все временно. Девочка неглупая, поймет, что рано или поздно отец привел бы в дом кого-нибудь. Ну не она, так другая, какая разница. Все равно не мама родная.

С приходом этой женщины для Тани из дома ушло привычное, еще мамино, еще не забытое тепло... Когда-то в четвертом или пятом классе Таня по поручению учительницы собирала пословицы. Вместе с подружкой они собрали около полусотни пословиц и оформили в альбом, украсив их своими рисунками. Одну пословицу Таня оформила с особой любовью. На рисунке была изба, покрытая соломой, над ней в синем небе желтое солнышко, а возле раскидистой вербы женщина, держащая за руку маленькую девочку. Под этим рисунком Таня печатными буквами вывела пословицу: «При солнышке светло, а при матушке тепло». Правдива народная мудрость. Все в этом мире согревается материнской любовью.

...Отношения в семье складывались трудно. Таня все больше молчала, хотя ничем не выдавала своего нерасположения к мачехе, а Ксения Петровна не очень-то и стремилась к наведению мостов. Что Таня? Сегодня здесь, а завтра ее нет. Лишь бы с Антоном ладно было. А его-то она умело прибирала к рукам. Как-то само собой получалось, что отец полностью подчинился новой хозяйке. Что она скажет, то и правильно. Никогда в жизни отец не торговал на рынке, а теперь каждую неделю они вдвоем с Ксенией везли на продажу то овощи, то мед, то семечки, то яблоки. А иногда он один вез на рынок в областной город сало, птицу, подсолнечное масло.

Деньги тщательно пересчитывались, и Ксения Петровна бережно складывала их в шкатулку, был у нее такой миниатюрный сундучок, украшенный морскими ракушками. Шкатулку она хранила в картонной коробке, где лежали катушки с разноцветными нитками, клубочки, всевозможные лоскутки. А коробку эту она держала в своей спальне, в тумбочке.

Таня училась на втором курсе биологического факультета. Домой ездила неохотно. Всякий раз, видя, как переменялся отец, она страдала, ей было жалко его. Когда отец тайком от жены совал ей в карман деньги, у Тани на глаза наворачивались слезы, и краска заливала ее лицо. Но отказаться от этой помощи было невозможно. Городская жизнь, даже такая скудная, как у нее, пожирала деньги безжалостно. Как ни старалась она экономить, но концы с концами сводить было немислимо. И вот опять ехать домой...

Ксения Петровна встретила Таню словами:

- Ну вот, я так и думала, что разъедетесь. Отец-то в город повез баранину. К тебе должен зайти, я сумку собрала. А он говорит, раз в субботу не приехала, значит сегодня не будет. А ты припылила. Есть будешь? Раздевайся, что ли.

Всю половину дня Таня была с Ксенией Петровной. Мысленно сожалела, что приехала. Если бы она знала, что папа в городе, она бы и не дождалась его в общежитии — сама бы разыскала на рынке, побыла бы с

ним до самого его отъезда. Хоть бы наговорились наедине, ведь дома им этого никогда не удавалось: Ксения Петровна старалась не оставлять их без своего участия.

Таня перебирала свои вещи в шифоньере, стараясь выбрать что-нибудь еще пригодное для носки, но кроме маминой юбки, которую она решила переделать, ничего не отобрала. Ксения Петровна все время охала, как растут цены, как трудно экономить, но не удержалась и похвалилась последними приобретениями. Наконец-то она купила шикарную соковыжималку, о которой давно мечтала. А потом из своего шифоньера достала яркое цветастое платье:

- Вот купила себе обновку. Цыганка привязалась, как репей, я и развесила губы. Вроде недорого, а все равно денег жалко. Да оно мне, правда, тесновато. Я что-то раздалась зимой. Ничего, весной похудею, налезет.

В полдень Таня оделась и пошла к своей крестной, родной тете Ане, маминой младшей сестре. Она любила крестную, ее двоих детей-близняшек и крестного, дядю Егора, доброго и гостеприимного. Когда бы ни приезжала Таня в родное село, всякий раз она приходила в этот теплый дом, где ей всегда были рады. И каждый раз, провожая ее в город, крестные собирали ей что-нибудь вкусненькое и давали немного денег, на дорогу, как они говорили.

Пока Таня гостила у крестных, Антон Иванович вернулся домой. Ксения Петровна сообщила ему о приезде дочки и недовольно проворчала:

- Дома ей не сидится. Побегала к твоей свояченице Аньке. Как медом ей там намазано... Ну как базар? Сколько выручил? Давай сюда.

Продал все сразу. За полчаса справился. Нашелся покупатель, забрал целиком. К Танюшке пошел в общежитие, а комендантша говорит: уехала, мол, утром домой. Ну я сумку ей оставил, а деньги не стал передавать, самой дадим, раз она дома. Надо ей побольше дать, комендантша говорит: голодно ей там.

Ага, погляди вон на ее сапоги - каши просят. Тоже около тыщи. Вот и накрылся наш баран, еще и не уложимся.

Ну что же поделаешь, Ксюша? Цены теперь сумасшедшие. Не ходите же ей босиком?

А я что? Разве что говорю? Я ж и говорю - не цены, а сплошное разорение. А сапоги, между прочим, еще можно починить... Давай выручку.

Ксения Петровна пересчитала деньги, вздохнула и пошла в спальню, к своей заветной шкатулке. Через минуту она стояла на пороге спальни с широко открытыми глазами:

- Антон, ты брал в шкатулке деньги?

- Ты что? Зачем? Да я бы сказал тебе, если б нужны были!

- Вот это да... Вот это номер... Пустая шкатулочка-то. Денег нет! Куда они могли запропасться? Украли!

Отец встал из-за стола:

- Не может быть. Ты точно их туда положила? Может быть, где в

другом месте?

- Я что, по-твоему, придурочная? Я всегда деньги кладу в эту шкатулку, лоскутками их прикрываю, их не видно. На самом доньшке лежат. А теперь полюбуйся - тю-тю денежки!

- Кто же мог их взять? Никто не ходил?

Никто. Алка - соседка с утра приходила. Дак мы с ней на кухне сидели. Девчонка ее тут игралась. Я Алке одолжила пятнадцать рублей... А вот Таня твоя... все рылась - какую-то фотографию матери искала.

Ты что хочешь сказать, что это сделала моя дочь? Что? Таня моя воровка?!

Да не ори ты на меня! Куда ж, по-твоему, делись деньги? С крыльями они что ли?

Моя дочь никогда этого не сделает! Если ей нужно, она попросит. Не было в нашем роду воров! Никогда не было, слышишь?..

Хорошо, я молчу. Господи Боже мой, что я за дура такая! И зачем я только пришла в этот дом... Жила себе припеваючи, сама себе хозяйка, тихо да спокойно. Какая ни есть копеечка - своя. А теперь деньги, как вода сквозь пальцы, только что подержу в руках... А теперь и вовсе стали пропадать. Но ты хоть и дерешь глотку за нее, а подумай сам: кто чужой знает, где лежат в нашем доме деньги? Ага, молчишь? Свой это вор! Она взяла, как хочешь! И побежала к Аньке, перепрятать их. Что, неправду я говорю?

Антон Иванович молча опустил голову. Стукнула дверь, в сенях послышались шаги, и Таня со сверточком в руках вошла в комнату. Она, не раздеваясь, бросилась к отцу:

- Здравствуй, папа! Как хорошо, что ты приехал, я уже думала не увидимся, через два часа мне на автостанцию.

Отец молча прижал к груди голову дочери. Таня не заметила, что в доме произошел какой-то переполох, поэтому ничего не поняла, когда Ксения Петровна подошла к ней вплотную и, сверля ее своими глазами, свистящим шепотом спросила:

- Ну что, отдашь сама или обыскивать? А может, обыскивать поздно? Надежно спрятала?

- О чем вы?..

- Знаешь... Знаешь, миленькая, о чем? Прибрала денежки к рукам? Три базарные выручки! Сотенка к сотенке...

Какие денежки? Папа! Что тут происходит?

Антон Иванович, запинаясь от волнения, сказал:

- Таня, отдай, дочка... Если ты их взяла, верни их ради Бога!

Таня потрясенно смотрела на отца. На ее лице выступили красные пятна.

- Папа! Как ты можешь так говорить?! Неужели ты веришь, что я украдала ваши деньги?..

- Я так не думаю, доча... Но мать говорит...

- Она мне не мать! Не мать! И никогда ею не будет!

Ксения Петровна пошла на нее буром:

И не стремлюсь к этому! Да, я мачеха. Мачеха! Но иди поищи еще такую дуру, как я! Три года несу эту кару. Угождала тебе, угождала, все равно волчонком смотришь. Сколько денег на тебя пошло, подсчитай-ка!

Ксения! - загремел отец. Не смей упрекать ее копейкой! Это мое дите... Я для нее и живу на белом свете!

- Во-во! Стелись перед ней, стелись! Антон Блаженный! Думаешь, спасибо скажет? На старости лет я тебя буду обихаживать, а она и стакан воды не подаст!

Таня распрямилась и, с трудом подавляя слезы, сказала, обращаясь к отцу:

- Она мне чужой человек. На нее у меня нет обиды. Но как же ты, папа, мог меня посчитать воровкой! Ты же мне говорил всегда: скорее умру, чем обижу тебя... И вот обидел... Как больно обидел!.. Не нужно мне от вас ничего! В тряпках буду ходить, хлеб сухой есть, но от вас и копейки не возьму!..

Давясь рыданиями, Таня схватила пустую сумку, с которой приехала, и толкнула дверь в сени. Отец выскочил за ней:

- Дочка, вернись! Как же ты поедешь без денег?.. Возьми хоть на билет! Таня!..

- Не горюй о ней, Антон! - вышла на крыльцо мачеха. - Деньги у нее есть! Ей теперь надолго хватит тех деньжат, что она хапнула. Да и крестные, небось, на дорожку дали...

Кровь горячей волной ударила в голову отца. В висках больно застучало:

- Уйди с глаз моих, ведьма!

-Ну и пожалуйста! Беги, догоняй ее! Еще в ножки ей упади! - Ксения Петровна со злом рванула на себя дверь прихожей.

Антону Ивановичу было так дурно, что он подумал, если не обольет голову ледяной водой, то потеряет сознание... Из сеней вторая дверь вела в ванную комнату, где стоял также отопительный котел. Там всегда было жарко и сыро от постоянного пара. Сейчас голову под холодный кран и, может, отпустит...

Первое, что он увидел, открыв дверь в котельную, это прилепленные к выкрашенной голубой краской стене пятидесятирублевки. Они были приклеены каким-то узором и прочно держались на влажной панели. Ничего не понимая, Антон Иванович повернулся к двери, чтоб выйти, и опять вздрогнул: вся нижняя половина двери была облеплена сотнями и десятками.

-Ксения! - хрипло крикнул он.

Ксения Петровна вышла:

-Иди сюда... Глянь!

-Пресвятая Богородица!.. Деньги!.. Откуда?

-Это я тебя спрашиваю, откуда?..

-Пресвятая Богородица. Теперь я понимаю... Все я теперь понимаю. Это ж утром заходила Алка со своей девчонкой, с маленькой-то, Оксанкой... Пока мы с Алкой в кухне сидели, она-то и занялась делом. Ну ты подумай, пронира

какая! Лоскутки не тронула, а деньгам дала ладу. Ах, чтоб тебе лихо было! Во, вражонок, какая! Это не дите, а аспид какой-то. Да, слава Богу, не порвала ничего. Ишь, как разукрасила стену!

У Антона Ивановича лицо стало белым, как стенка. Ему казалось, что он крикнул громко, но голос как бы тонул в какой-то вязкой, плотной вате:

- Полушубок! Дай полушубок... Верну ее...

Но Ксения Петровна быстрыми ловкими движениями снимала со стены денежные купюры, складывая их в пухлую отсыревшую пачку. Она оглянулась на мужа и, видя, как он медленно оседает на пол, испуганно спросила:

- Что с тобой? Неужели сердце? ;

- Верни ее... Верни...

- Выпей воды, полегчает. Зачем же так нервничать? Чего в - семье не бывает... А бегать я за ней не побегу! Подумаешь, какие нежности при нашей бедности!

ПЕРЕКРЕСТОК

КАК ДАВНО Мария Петровна не покидала свой дом! Уже и не припомнит, когда в последний раз садилась в междугородний автобус, чтоб навестить дочку с семьей. Привыкли жить вдвоем с мужем, никуда не отлучаясь из своей деревни. Жили спокойно, размеренно, в достатке. А много ли им надо? Возраст уже такой, что наряды никак не нужны, поносить хотя бы то, чем шифоньер забит. И когда дочка с зятем привозили им в подарок какие-нибудь обновки, они ворчали:

- Куда нам наряжаться, пенсионерам, скажите на милость? Деньги вам девать некуда? Лучше бы внучке приданое собирали, она вон уже как подросла.

Внучка Лерочка в самом деле вытянулась, училась в седьмом классе и росла очень доброй и общительной девочкой. Внук же был студентом и к бабушке в деревню уже не приезжал два лета подряд: скучновата сельская жизнь, разве что порыбачить с дедом да вечером поболтаться у местного клуба. Старики же во внуках души не чаяли.

Когда подошло время рубить гусей, Мария Петровна сказала:

-Все, Миша, больше ждать не будем, когда они к нам приедут. Повезу им сама мясо. Они так и не выберутся до поездок к нам. Поеду. Соскучилась, да и к хорошему врачу попасть хочу.

И вот она едет в дочкиных «Жигулях» по пугающе многолюдному городу. Тамара вела машину уверенно, но Мария Петровна каждый раз замирала, когда подъезжали к перекрестку или надо было поворачивать на другую улицу.

Внутренне гордилась: «Молодец, доченька. Как заправский многоопытный шофер. А ведь, кажется, совсем недавно была обыкновенной деревенской девочкой, которая дальше районного центра и не была-то нигде. Как быстро летят годы... Как меняется жизнь вокруг нас...».

Перед очередным светофором большая очередь самых разнообразных машин. Мария Петровна смотрела в окно, по которому медленно стекали капли мелкого холодного дождя. На улицах мокро, серо, неуютно. Последние листья одиноко маячили на деревьях вдоль тротуаров. Вдруг она увидела странную фигуру, которая металась от одной машины к другой. Мария Петровна присмотрелась и увидела, что это девочка лет двенадцати. Одежда на ней была уже промокшая, на ногах какие-то странные не по размеру ботинки, а на голове вязаный дырявый платок. Нищенка! Она подбегала к машинам, что-то говорила через стекло. Но редко в какой машине открывалась дверца и высывалась чья-то рука с подаянием.

Мария Петровна вся внутренне сжалась. Невольные слезы затмили мелькнувшую фигурку. Рука потянулась к карману, где лежали какие-то небольшие деньги. Но тут загорелся зеленый свет, и колонна машин медленно двинулась друг за другом. Жалость к этому несчастному ребенку была так велика, что слезы сами по себе потекли по щекам.

- Мам, ты что? Почему ты плачешь? — испуганно спросила Тамара.

- От жалости. Ведь какой это ужас: девочка не за школьной партой, а с протянутой рукой, холодная и голодная. Я не могу это видеть...

- Успокойся, мама. Это твое первое впечатление от городской изнанки. Меня сначала тоже трясло от этого. Но поверь, что таких попрошаек на наших улицах можно увидеть за день столько, что никакого кошелька не хватит.

- Да, но ведь это ребенок! Голодный ребенок!

Дочка вздохнула:

-Я тоже в первое время старалась такие встречи оплатить. Все мне казалось, что спасаю кого-то от голода. А опыт мне показал, что о голоде тут нет и речи. Это охотники за деньгами.

- Боже мой, доченька! Что ты говоришь? Какие деньги? Ты посмотри, в чем она одета — обута... По такой погоде за час на улице можно простудиться, а она...

- Уверяю тебя, мама, что под этой ветхой одежкой она хорошо утеплена. И «работает» она под чьим-то зорким присмотром.

Мать с недоумением посмотрела на Тамару. Какой присмотр может быть за нищей девочкой в суete городского муравейника? Но расспрашивать не стала: их машина притормозила у здания платного медицинского центра, и Тамара уверенно и безукоризненно припарковала ее между другими стоящими авто.

Вечером на кухне за ужином сидела вся дочкина семья и гостья из деревни. Зять заботливо разливал ароматный чай. Внук рассказывал о нынешнем происшествии в институте. Все смеялись. Только у Марии Петровны на душе было почему-то скверно. Она смотрела на своих внуков и представила свою любимую внучку на городском перекрестке, мокрую в рваном платке... Слезы опять навернулись на ее глаза. Тамара обняла мать за плечи и тихо заговорила:

- Мам, я тебя очень понимаю, потому что... потому что сама только недавно избавилась от этой сельской сентиментальности... от жалости. Но ты пойми, весь белый свет собой не обогреешь. Нищих в городе стало очень много и поверь мне: многие из них богаче, чем мы с тобой. Они поделили город на сектора и попрошайку с чужого сектора немедленно вычислят и по-своему разберутся. А девочка, о которой ты полдня уже плачешь... Она тоже собирает деньги в общак. За ее «работой» несомненно, следит какой-нибудь мужик с костылями, или в коляске. Если бы они были голодными, то рады были бы куску хлеба, тем более батону. Но заметь, они нацелены только на деньги.

Осенняя ночь показалась Марии Петровне бесконечной. Не спалось, ни о чем не думалось, кроме уличной картины, которая так поразила ее. А еще шевелилась в душе холодноватая мысль: «Очерствела в городе дочка. А ведь такая дома была отзывчивая да ласковая... Да что удивляться? Сейчас и в селе люди переменялись. Бывало, последним делились друг с другом. А нынче пойдй к соседям занять денег - нету. Ах, жизнь, жизнь. Как ты своей

скудностью меняешь нас. Было время, когда из дома уходишь, а дверь на палочку запираешь, чтоб знали, что хозяев нет. А теперь и замки не спасают. Какими станут наши внуки через десяток лет?» Мысли роились в голове, уснуть удалось только к утру.

Собираясь ехать с дочкой по вчерашнему маршруту, Мария Петровна собрала пакет с едой: положила несколько пирожков, кусок колбасы, два творожных сырка и большое яблоко. Подъезжая к знакомому перекрестку, она напряженно всматривалась, не мелькнет ли вчерашняя фигурка. И точно, это она отбежала от черной «Волги» и оказалась у «Жигулей», стоящих впереди их машины. Мария Петровна открыла дверцу и махнула девочке рукой. Та быстро подбежала. Взглянув на протянутый пакет, она как-то нехорошо улыбнулась:

- Мне ваши объедки не нужны.

От неожиданности Мария Петровна потеряла дар речи. Тамара быстро взглянула на мать и спросила нищенку:

- А что же тебе нужно? - Деньги мне нужны, - смело ответила та и побежала к другой машине.

- Ну что, мама, убедилась?

- Господи, да как, же так? Но ведь она не должна стоять на холодной улице... Ведь она должна сидеть за школьной партой... Она же еще дите!

- Ах, мама, ты живешь по своим сельским меркам. Раз ребенок - значит школьник. А ты знаешь, сколько их, которые не ходят в школы?

- А как же всеобуч?

- Да какой теперь всеобуч? Это раньше следили за тем, чтобы каждый ребенок получал образование, заставляла учиться даже тех, у кого на учебу была просто аллергия. И профессиям обучала в ПТУ, и на работу устраивала. Словом, нянчилась со всеми. А теперь — кто нужен? Хочешь - пробивайся сам, если есть шансы. А нет их - ищи другие пути. Вот и растет в стране беспризорность, мошенничество, воровство. Господа, да что я тебе объясняю? Вы же с папой каждый день смотрите «Дежурную часть».

Мария Петровна вздохнула. Да уж, каждый день по телевизору и «Журналистские расследования», и «Честный детектив», и «По делам несовершеннолетних»... Но смотрят их уже без содрогания. Видно, привыкает человек и принимает ненормальное, порой ужасающее как норму. Права дочка: эгоизм, равнодушие, жестокость разъедает людские судьбы...

Приехав домой, Мария Петровна поделилась со своим Михаилом, как всколыхнула ее встреча на городском перекрестке. А он говорит:

- Ну вот. А я тебе тоже новость расскажу. По привычке, что ты всегда дома, я ушел минут на десять в гараж, появились мыши в нем. Дай, думаю, разложу липучки. Ушел, а на замок дверь не запер. Возвращаюсь, стал вешать свою рабочую телогрейку, а на вешалке моей новой куртки нет. Что за чушь, куда она подевалась? Глядь, а шапки моей ондатровой тоже нема. Я туда-сюда, выскочил за ворота - нигде никого. Ох и матерился же потом. Ну а что поделаешь? Сам виноват. Чего б дверь на ключ не закрыть? Такая вот жизнь пошла — вороватая. Ты меня уж не ругай за ротозейство...

- Да что ж тебя ругать? Ругай - не ругай, а шапку и куртку покупать придется.

- Да куда мне ходить в новых нарядах? До магазина три шага, а так - куда я еще хожу? Вон зять передал мне свою недоношенную дубленку. Мне она - высший сорт.

Жизнь пошла своим привычным ритмом. Городские впечатления постепенно растворялись в повседневных житейских заботах. И только всякий раз, когда Мария Петровна что-либо складывала в кулек или выкладывала из пакета, перед глазами вставала жалкая фигурка в дырявом платке на городском перекрестке.

ДВЕРИ СЧАСТЬЯ ОТКРЫВАЮТСЯ НАРУЖУ

Во дворе старой хрущевки всегда было оживленно. На скамейке возле подъезда постоянно сидели старушки, придирчиво оглядывая всех, кто проходит мимо. В песочнице возились малыши, выстраивая свои башенки, а в самом углу двора на перевернутых дощатых ящиках собирались подростки, брэнчали на гитаре, пели блатные песни и играли в карты.

Бабульки о каждом знали все. И все вздыхали: не та молодежь пошла, совсем не та... Когда мимо них проходил рослый черноволосый подросток, баба Настя говорила: «Бедняга. Ему не до гитары». Другая собеседница сразу же подхватывала:

- Да какая уж тут гитара. Пропащая семья.

- Пьют по-черному родители, лихоманка их заberi. - проворчала Антоновна.

- Да какие они родители! - возмутилась баба Варя. - Отчим не просыхает, да и мать спилась окончательно. Этих Сорокиных давно надо лишить родительских прав.

Баба Настя согласилась:

- Семья непутевая, а вот Пашка молодец, не вяжется со шпаной.

- Зато сестрица его известна во всей округе, - съязвила баба Варя.

Семья Сорокиных жила в полуподвальной квартире. Двое детей выросли в ней без тепла и ласки. Пашка и старшая Аня часто бывали голодными. Мать получала зарплату дворника, а отчим ни на одной работе не задерживался дольше двух недель. Аня сразу после девятого класса попала в какую-то сомнительную компанию. Она уходила, когда заблагорассудится, возвращалась, когда считала нужным. Никто не интересовался, где, с кем и как проводила она свое время. Только иногда, протрезвев, мать грозилась ей пальцем: «Гляди мне, тварь такая, не принеси в подоле». Пашка постоянно испытывал одинокую заброшенность, бесприютность и тоску. Как напряженно он чувствовал себя в школе! Одет он был беднее всех, о карманных деньгах и говорить нечего. Среди одноклассников держался дичком, независимо. Когда ему кто-нибудь из ребят протягивал пирожок или яблоко, он отворачивался и говорил:

-Я не нищий.

Аня окончательно ушла из дома. Пашке сказала:

-Буду жить за городом. У моего папика там клева дача. Ты, Павлик, держись, как можешь. Школу закончишь, мы тебя к себе заберем.

С уходом сестры жить стало совсем невмоготу. В школе только Ирина Романовна относилась к нему по-особому. Может, потому что она как классный руководитель знала обстановку в его семье, может, потому что чутким сердцем ощущала сиротство этого способного, но закрытого пацана. Но как-то незаметно, ненавязчиво поддерживала его и опекала.

Однажды она подошла к Павлу и сказала:

-Ты что на праздники делать собираешься?. Мы с дочкиным классом в

небольшой поход идем. Она у меня в другой школе учится. Если хочешь - пойдём с нами.

Пашка не сразу ответил:

- Да какой из меня турист! Последние кроссовки разваливаются, Нет, спасибо, Ирина Романовна. Не могу я идти с вами.

Учительница взглянула на Пашку и как-то весело и располагающе сказала:

- Подумаешь, проблема! У меня дома от сына осталась хорошая обувь. Вырос он, а выбрасывать жалко. Хорошие есть ботинки импортные. Ты зайди завтра. Знаешь, где я живу? Что-нибудь подберем.

Пашка густо покраснел: ботинки - то же, что Мишкины пирожки... Подаяние. Из жалости...

- Да нет, спасибо, Ирина Романовна. Мне скоро купят обувь.

Учительница кивнула в ответ. На следующий день после уроков она задержала Пашку в кабинете литературы. Всех отпустила домой, даже дежурных:

- Ребята, завтра до занятий пол протрете. Сегодня идите.

- Когда они остались вдвоем. Ирина Романовна открыла шкаф, где в нижнем отделении хранились диафильмы, и вынула оттуда сиреневый пакет.

- Паш, иди примерь все, что я принесла. Ну не упрямясь. Обувь хорошая, не выбрасывать же... Краснея и оглядываясь на дверь, Павлик выбрал себе ботинки и почти новые туфли.

Уминая сырую осеннюю землю этими добротными ботинками, Пашка двигался по лесной тропе вслед за двумя незнакомыми девочками. Ирина Романовна шла впереди группы, а замыкали цепочку двое парнишек в ярких ветровках. У девочек за плечами были рюкзаки, а у одной из них в руке еще и сумка. Сам того не осознавая, Пашка взял у нее сумку.

- Давай я понесу.

- Вот добрая душа, неси. А то мне мама тут насовала посуды, даже сковородка тут. Говорит, пригодится... А тебя как зовут? Пашка? Значит, Павел. А меня Лерка. Значит, Валерия. А это моя подруга Таня. Мы вместе в музыкальной школе учимся.

Пашка шел, молча, привычно думая о своей беде: мать с отчимом сидели без денег, ходили по помойкам, собирали стеклотару.

Запах съестного уже давно исчез из их полутемной кухни. Хлеб и чай. На большее не хватало. На бутылку бормотухи все-таки находили почти каждый день.

- У тебя что-то случилось? Что ты такой пасмурный? - с таким искренним сочувствием на него смотрели глаза девочки, с которой он только что познакомился.

У Пашки даже теплый комок в горле застрял.

- Да нет, что ты. Все в норме.

Лагерь разбили на живописной поляне на крутолобом взгорке. Когда они, пыхтя, взобрались на него, все ахнули от открывшейся панорамы. В лесу медленно и неотвратимо наступала пора желтой и красной листвы. Особенно

ярко светились заплатки кустов бересклета и желтая березовая листва, еще не облетевшая, но уже печально приглушенная осенним солнышком. Тихо и грустно. Птицы тоже еще не улетели, но уже замолкли, словно по обычаю молчат перед дальней дорогой.

Ирина Романовна обвела взглядом открывшуюся картину: белеющие стволы березовых посадок, яркую зелень всходящих на дальних полях озимых, причудливую излучку небольшой речушки и тихо сказала:

- Как прекрасен осенний воздух!

- Это воздух высшей очистки, - прокомментировал Вовка Петренко, лучший химик в классе. И все засмеялись.

Привал был просто отличный. Развели костер, расстелили для общего стола широкую пленочную клеенку. Варить полевую кашу взялись трое девчонок с Ириной Романовной. Ребята собирали дрова для костра. К речке за водой пошли Пашка и две его спутницы. Вода в речке была чистая и уже не по-летнему холодная. Пашка нес ведро, а Лера и Таня по котелку.

Обедали весело. Шутили, смеялись, пели. Но Пашка чувствовал себя все-таки чужим на этом празднике. Девчонки под модный мотив начали танцевать. Ребята брэнчали на гитаре. Только он сидел, прислонившись к стволу старого клена.

- И все-таки у тебя что-то случилось... Может, помочь тебе в чем-то? - присела рядом Лера.

И почему-то оказалось совсем легко и не стыдно рассказать ей обо всем. И по мере того, как он делился с этой девочкой своими сокровенными мыслями, на его душе становилось легче, словно тяжелый камень медленно сдвигался с его души. Отпускала боль.

Как помогла Пашке эта дружба! С девочкой, о которой и мечтать не смел. Ведь совсем не ровня он ей. Она такая начитанная, такая благополучная да еще и талантливая. Как-то Лера взяла его с собой на отчетный концерт в свою музыкальную школу. Он скромненько сидел в уголке зала, и грудь его распирала радость, когда Лера встала из-за рояля, поклонилась, и зал взорвался аплодисментами. А букетик ландышей, который он приготовил к этому вечеру, так и не посмел отдать ей. Что-то все время его сковывало.

Дома все было по-прежнему. Когда Павлу становилось уже невмоготу, он садился в электричку и ехал в соседний город, где жил его крестный отец, Михаил Петрович. Большой друг покойного отца. Он работал мастером на заводе, жил по нынешним временам в достатке и был главой большой и дружной семьи. Всякий раз, возвращаясь от крестного, сидя у окна электрички, Пашка думал: «Ведь можно же жить по-человечески, как у папы Миши... Ведь я им чужой, а как они мне рады, сколько насовали гостинцев... Если бы папка был жив, может быть и мы бы жили по-другому».

Но по-другому не получалось. В одиннадцатом классе Пашка ушел из дома: обстановка в доме стала совсем невыносимой. Крестный устроил его учеником фрезеровщика и добился ему места в общежитии. Для Павла началась совсем другая жизнь. Легкой ее назвать нельзя было, но он не

чувствовал себя изгоем, не стеснялся своего немодного вида, не прятал глаз от сочувственных взглядов. Учился хорошо, помогал крестному отцу в гараже, возился с его трехлетним внуком. Одно его угнетало: он не видел Леру. О ней он думал постоянно. Всякий раз, когда он встречал девчонок, перед глазами вставала она, Лера. Большие серые глаза, пушистый хвостик волос и теплый голос, какой не спутаешь ни с одним голосом в мире...

Но общения не было. Письма писать по нынешним временам смешно. Да и что можно доверить бумаге? Разве она передаст то, что будоражит юное сердце? Воображение рисовали картины, которые стали навязчивыми. Он видел Леру среди хорошо одетых девчат и пацанов, которые веселились, пели и танцевали. А Лера была в центре внимания... Грудь сжималась от горечи: нет, не будет никогда Лера рядом с ним. Тому, что творилось в нем, он названия не знал. Делиться переживаниями не хотелось ни с кем. Не поймут.

В выходные дни Пашка любил посидеть в скверике возле общежития. Необычно ранняя весна звала на улицу. Оглушала внешними звуками и временами одаривала вызывающе ярким солнцем. Нагретая солнышком скамейка стояла под тремя березками. Они еще не распустились и приветливо качались на ветру своими длинными обвисшими плетями.

Завораживающее тепло, белоствольные красавицы, сам воздух заполняли Пашкино сердце лаской, красотой, любовью. Лера, Лерочка... Ты откликнулась на мой молчаливый крик. Ты сразу поняла, что я боюсь распахнутости души, стыжусь своей открытости. Ты поняла меня и протянула свою теплую ладошку. Искренне, без оглядки, как будто вошла без раздумья в незнакомую дверь. Но ты не со мной. Где ты сейчас?

Он сидел на скамейке погруженный в свои невеселые мысли. Вдруг он услышал голос, от которого бешено, заколотилось сердце:

- У тебя что-то случилось? Может быть, я могу тебе помочь?

Пашка поднял глаза: перед ним стояла Лера. Как она нашла его, как добралась до чужого города и отыскала его общагу! Как она вообще решилась на такое!

Только в юности бывают такие счастливые минуты. Необъяснимая сила влекла их друг к другу. И эта тонкая дрожащая нить связывала их между собой. Он это понимал. Она это понимала. И оба знали, что так должно было случиться.

Что дальше? Сейчас им за сорок. Они много лет женаты, и знакомые говорят, что их семье можно позавидовать.